

Татьяна
ЕРЦИК

Серебро ночи:
- ТЕТРИУС -
Книга вторая

Серебро ночи

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Тетриус. Книга 2

«Дана Хадсон»

2018

Герцик Т.

Серебро ночи. Тетриус. Книга 2 / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2018 — (Серебро ночи)

ISBN 978-1-37-040930-3

К границам Терминуса все ближе подбирается большая война, а в рядах аристократов все так же царит недовольство правлением Медиатора. Маркиз Пульшир пытается доказать свое право на титул герцога Ланкарийского, не чураясь кражи и подлога. А юг страны уже пылает в огне, осажден один из главных форпостов Терминуса – Мерриград. Нескио с войском спешит на помощь. Что ждет королевство без короля?

ISBN 978-1-37-040930-3

© Герцик Т., 2018
© Дана Хадсон, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Герцик
Серебро ночи. Тетриус. Книга вторая
© Татьяна Герцик

* * *

Глава первая

Агнесс быстро шла по когда-то усыпанной желтым песком дороге. Но песок смыло ливнем, похоже, тем самым, что помог ей бежать из замка Контрарио. Раньше дорогу обновляли сразу после дождя, но теперь шершавые и неровные камни мостовой были голы.

По дороге тут и там валялись клоки собачьей шерсти. Кто прошел здесь с собаками? И, судя по количеству шерсти, собак было много. Кому понадобилось тащить в замок столько собак? И зачем? Собаки не смогут лазить по подземелью, уничтожая крыс. А днем те на белый свет не выходят.

Крутая дорога была пустынна, как обычно. Вряд ли кто-то попадетсся ей навстречу. Припасы для замка возят по понедельникам, а сегодня среда. Ее беспокоило другое: как пройти заставы? На каждой заставе стоит отряд стражников в двадцать человек. Они тут же ее схватят и притащат в замок. Пусть граф в столице, но в замке остался начальник стражи. Он предан графу и ее глупым отговоркам не поверит. Но если ее проведут в замок, это уже неплохо. Она сумеет как-нибудь улизнуть. Тем более, опыт у нее уже есть.

И у нее есть тайный помощник.

А если его уже нет? От этой мысли Агнесс споткнулась и похолодела. Оказывается, она подспудно надеялась на него и надеялась сильно. Вдруг его поймали, или он ушел сам? Откуда она знает, что его держит в этом проклятом замке? Возможно, его давно уже здесь нет?

Но если он ушел, ей будет плохо. Выдумывать правдоподобные причины она не умеет. Если она скажет, что вернулась, начальник стражи наверняка спросит, для чего она вернулась? Обмануть, что уехала с графом не получится, все знают, что он искал ее повсюду.

Может, лучше дождаться темноты? Агнесс вспомнила свою дорогу отсюда в бурю и поехала. Если бы не всполохи молний, ей никогда по этой дороге не пройти. Нет, в темноте ей не пробраться. Она не крыса, которая видит в полном мраке. Нужно идти, положась на удачу, ничего другого не остается.

Агнесс хорохорилась, и сама это знала. Уж лучше бы она взяла то страшное кольцо с собой! Но не привело бы ее злодейское кольцо прямо в руки графа? Она посмотрела на свою правую руку, вспомнила ощущение огня, обжигающего кожу, и содрогнулась. Нет, тогда с кольцом ей было не сладить. А теперь? Что изменилось теперь?

Только одно – кольцо, вернее, камень под странным названием Тетриус нужен нескью. И она постарается его добыть. Для него. Чего бы ей это ни стоило. В благодарность за то, что избавил ее от колдовского морока. И потому, что говорил о ней с такой нежностью, будто она ему и вправду дорога.

Она пошла быстрее, радуясь, что на ней удобные мужские штаны, а не сковывающее движения длинное женское платье. Мягкие сапоги тоже были удобны, хотя сквозь тонкую подошву и ощущались грубые камни мостовой. Через несколько фарлонгов показалась сторожевая башня первой заставы. На верхушке реял яркий вымпел графа Контрарио, на крыше играли отблески солнца.

Агнесс пригнулась, намереваясь при первом же удобном случае стремительно промчаться мимо. Но почему никто не стоит на дороге? Где стражники? Она нерешительно подошла поближе, не понимая, что случилось. Это было странно. Это ужасное нарушение дисциплины, граф за это просто убьет. Собравшись с духом, быстро пробежала заставу и дальше пошла уже спокойнее.

Подходя ко второй заставе, увидела на обочине дороги горки из обглоданных до сверкающей белизны человеческих костей. Черепа с пустыми глазницами выглядели так страшно, что Агнесс всхлипнула и повернулась, чтобы бежать обратно. Но остановилась, вспомнив о нескью.

От животного ужаса затряслись руки и ноги. Пришлось несколько минут постоять, собираясь с силами.

Что жестряслось в замке? На людей напали крысы? Когда это случилось? Вряд ли в ночь ее побега, ведь граф приехал в столицу следом за ней. Значит, позже. Есть ли сейчас в замке кто-то из людей, или там хозяйничают крысы? Как же ей страшно!

Растирая замерзшие от испуга руки, нехотя пошла дальше, испуганно косясь на останки. Возле одного черепа с костями лежал кинжал со знакомым ей вензелем. Она наклонилась, рассматривая его. Сомнений нет, это кинжал Смена, главного повара. Кинжал был подарком графа, Смен с ним не расставался. Она не любила повара, тот не стеснялся высказывать ей в глаза свое мнение о графской подстилке, но все равно такой ужасной смерти он не заслужил.

Агнесс поежилась. Зря она отправилась сюда, не выяснив, что случилось. Энеко вполне бы мог все разузнать на постоялом дворе. Мальчишек никто не принимает всерьез и они шныряют везде, слыша все, что говорится вокруг. Достаточно просто прислушаться к чужим разговорам, это очень полезно, она сама в этом убедилась.

Как же ей быть? Вернуться обратно несолоно хлебавши? Но столько времени и сил будет потрачено напрасно. Надо хотя бы попробовать дойти до замка и все выяснить, чтоб потом ни о чем не жалеть.

Пересилив свой страх, быстро пошла дальше.

Внезапно издали послышался грохот: кто-то ехал от замка вниз. Она метнулась к сторожевой заставе и скрылась за ее стенами. Мимо пронеслась обычная крестьянская телега. Пара взмыленных кляч, подгоняемая кучером, не неслась, а летела. Проводив телегу удивленным взглядом и выждав для безопасности еще несколько минут, Агнесс покинула свое убежище.

Итак, в замке живут люди. Но почему заставы пусты? Хотя, возможно, ее задержат на третьей, последней, заставе. Может быть, без графа его челядь расслабилась и позволяет себе небывалые раньше вольности? В это верилось плохо, но ничего более правдоподобного для объяснения всех этих странностей Агнесс придумать не смогла.

Но и третья, предмостная, застава оказалась пустой. Возле нее тоже валялись обглоданные до белизны человеческие кости. Рядом с ними лежали окровавленные кинжалы и мечи, даже крепкие железные латы. Видимо, люди пытались защищаться, но безуспешно. Но сейчас день, и бояться ей нечего: на свет крысы не выходят.

В полном недоумении Агнесс настороженно дошла до моста. И сразу увидела привязанную к столбам четверку породистых ухоженных коней. Они испуганно пряли ушами и били копытами, но стояли на месте, не пытаясь убежать. Лошади показались Агнесс странно знакомыми.

Она внимательно их оглядела. Этого серого в яблоках красавца она точно видела раньше. Это он стоял у таверны «Шарбон», когда она пряталась там под столом. И второй, гнедой с подпалинами, очень красивый, тоже там был. Лошади смотрели на нее встревоженными глазами и фыркали, будто о чем-то предупреждая.

Значит, здесь племянники Фелиции и с ними еще два человека. Что ж, она знала, что они опередили ее на пару дней. Но почему они все еще здесь? Они должны были найти камень и уехать, либо не найти его и тоже уехать. Что задержало их так надолго?

Агнесс прокралась по железному мосту, так никого и не встретив. Не могло же случиться так, что четыре человека, пусть и крепких, закаленных в боях воинов, победили добрую сотню стражников? Это было бы чудом, а чудеса случаются где угодно, только не в этом проклятом замке. Хотя то, что ей удалось отсюда сбежать, уже настоящее чудо.

Мост окончился, показались чугунные ворота замка. Вернее, не чугунные, а из того похожего на чугун странного металла, что и ограда. Ворота были опущены. Вот незадача! Что же ей делать? Как пробраться в замок? Ползти вокруг, как это она сделала в прошлый раз, бес-

полезно, дуб упал в воду, и импровизированного моста, по которому она перебралась через ров, уже нет.

Агнесс машинально подошла вплотную к воротам, задумавшись и не глядя вперед. Почти уперлась в них и, опустив взгляд, заметила, что закрыты они не полностью. Между мостовой и нижней планкой ворот оставалось вполне достаточно места, чтобы пробраться внутрь.

Агнесс без колебаний проползла под воротами. Привратная башня была пуста, как и заставы. Она вошла на площадь перед замком и тут же скрылась за колонной: посреди площади стояли два рыцаря в полном воинском вооружении, даже на головах сияли шлемы с опущенными забралами. Она поразилась. С кем они тут собираются сражаться? Друг с другом?

К ней подбежала коричневая в черных подпалинах большая собака и ткнула мордой в ее колени. По двору бегало еще несколько десятков таких же огромных коричнево-черных псов. Это были волкодавы, она не раз видела таких в деревне.

Но в замке собак никогда не бывало. Граф считал, что они ни к чему. Он даже кошку запрещал ей заводить. Слуги потихоньку шептались, что собаки могли бы загрызть пару-другую крыс, а граф не желает с ними ссориться.

И вот, в нарушение его приказа, площадь полна собаками!

Вспомнив ключья собачьей шерсти на дороге, она догадалась, что их привели племянники Фелиции, но зачем? Что может случиться посреди белого дня на площади? И где графская челядь? Неужели все бежали? Или убиты? Но кем? Крысами? Теми же, что убили тех, чьи кости валяются на дороге? Или их сначала убили люди, а потом уже сожрали обезумевшие крысы? Эх, надо было обо всем разузнать в деревне...

Несколько золотых предметов из столовой посуды неприкаянно валялось на площади. Граф такого никогда бы не потерпел, значит, прислуга сбежала уже после его отъезда.

Агнесс машинально погладила по голове прижавшегося к ней пса. Тот испуганно гавкнул, будто о чем-то предупреждая. Но о чем? Она посмотрела вокруг. Ничего страшного вокруг не было. Если не считать воинов, держащих в руках длинные мечи.

Внезапно собаки дружно взвыли и бросились к замку. Агнесс проследила за ними и вскрикнула: из подземелья нескончаемой серой волной хлынули крысы. Надо бежать! С крысами ей не справиться! Их слишком много! Она и не представляла, что их может быть так много!

Она повернулась к воротам, готовясь убежать, и в ужасе замерла.

Пока она смотрела на замок, вся площадь до ворот оказалась заполнена крысами. Они лезли из всех щелей, даже между камнями в мостовой. Дорога к спасению оказалась отрезана!

Это было так страшно, что Агнесс на мгновение замерла, парализованная страхом. Крысы быстро надвигались со всех сторон, грозя опрокинуть ее на мостовую и сожрать. Стоявший рядом пес зарычал и бросился в бой, защищая ее. Она посмотрела наверх, на колонну, за которой пряталась от воинов. Она не раз видела, как помощник конюха забирался на нее, спасаясь от наказания, и сидел на плоской верхушке, привольно наблюдая за тем, что делается внизу.

Опомнилась и полезла на колонну, цепляясь за едва ощутимые выступы. Забраться наверх оказалось гораздо сложнее, чем она думала. Руки скользили по гладким камням, и она вмиг ободрала все ногти. Ей повезло, в мягких кожаных сапогах, что были на ней, удавалось нащупывать и удерживаться на едва видневшихся выступах, в грубых башмаках ей наверх ни за что было бы не взобраться. Но вот колонна стала такой гладкой, что руки скользили, не в силах за что-либо уцепиться.

Агнесс вспомнила о кинжале. С трудом, прижавшись всем телом к холодному камню, вытащила из ножен кинжал и воткнула его в едва видимую щель. Подтянулась, забралась на верхушку и села там, скрестив ноги и с трудом переводя дух.

Хотела убрать кинжал обратно в ножны и поразилась – камень на рукояти светился тревожным красноватым светом, будто предупреждая об опасности. Раздумывать над этим было некогда, и она быстрым движением вогнала его в висевшие на поясе ножны.

Посмотрела вниз и вскрикнула от ужаса. Внизу бесновалось серое воинство, накатывая волна за волной на бешено сопротивляющихся собак и давя их своей массой одну за другой. Того пса, что помог ей спастись, уже не было видно, и она прерывисто вздохнула от жалости.

Рыцари выпустили из клеток волков, но крыс это не остановило. Хотя волки дрались гораздо более умело, чем собаки. Встав в круг, они защищали друг друга сколько хватало сил. Но когда гора крысиных трупов вокруг стала выше волков, крысы принялись стремительно прыгать на них с высоты, и скоро от волков осталось только несколько холмиков, покрытых шевелящимся серым одеялом. Когда волна крыс отхлынула, на площади лежали лишь обглоданные кости.

Но люди, защищенные металлом, еще сопротивлялись, размахивая красными от крови мечами. Агнесс знала, что это ненадолго, слишком много крыс друг за другом все лезли и лезли на площадь из подземелья.

И ей уже недолго оставаться в живых. По колонне, угрожающе взмахивая черными голыми хвостами, тоже ползли крысы, скользя и срываясь, но упорно пробираясь наверх. Решив бороться до последнего, Агнесс сняла с себя сумку с вещами. Сумка была довольно тяжелой, и ей удалось сбить с колонны несколько крыс, и они даже на пару минут замедлили движение, будто перестраивая свои ряды, и снова неотступно полезли наверх.

Раздался крик, приказывающий рыцарям уходить. Кричали сверху. Агнесс посмотрела на окно своей комнаты. Там стояли двое мужчин. Она горестно вздохнула. Если камень был там, его непременно нашли. Только это никому не поможет. От них всех сейчас останутся только кости. Вообще-то нет, от рыцарей останутся еще и латы.

Агнесс истерично засмеялась. Зачем она полезла в этот кошмар? Надо было пойти к нескио и все ему рассказать. Он бы смог ее защитить. Или нет? Если бы он отправился сюда, тоже стал бы жертвой крыс.

Нет, пусть лучше погибнет она, нежели он.

Замахнувшись, сбила еще нескольких особо наглых крыс. Но одна из них успела зацепиться когтями за холщовую сумку и прыгнула на Агнесс.

Содрогаясь от омерзения, она ухватила крысу за длинный голый хвост, оторвала от камзола и сбросила вниз. Воспользовавшись этой заминкой, вторая крыса тут же вцепилась ей в ногу. Агнесс почувствовала, как острые зубы выдрали клочок из ее штанов и как бритвой прорезали кожу.

Снизу раздался победный писк. Он был таким громким, что у нее заболели уши. Она взглянула на площадь. Рыцари упали под тяжестью набросившихся на них крыс. Те лезли на еще шевелившиеся тела, стараясь задавить их общей массой.

Сверху из башни тоже раздался злой вопль и жуткий, закладывающий уши писк. Там тоже шла смертельная битва.

Агнесс попыталась снова замахнуться сумкой и не смогла. На ней, вцепившись в холст, уже висело несколько тяжелых крыс, глядевших на нее горящими от злости глазами-бусинками. Она бросила сумку вниз. И тут же почувствовала укус в плечо. Сбила укусившую ее крысу и поняла, что сейчас упадет – ноги были полностью облеплены крысами.

Она торопливо вытащила кинжал. Камень в основании рукоятки не просто светился, он сиял, он горел. Что это значит? Раздумывать было некогда. Она принялась бить кинжалом крыс, не глядя, куда попадет. Увидев искристое лезвие, крысы перебежали за ее спину и принялись нападать сзади.

Агнесс крутилась на пяточке, как волчок, но крысы были проворнее. Она упала на спину, даже не почувствовав боль падения – все пространство под ней было занято крысами, они смягчили удар. Кинжал задрожал в ослабевших руках, и крысы кинулись на нее всем скопом.

Спасения не было. Она принялась читать молитву, прощаясь с жизнью.

И тут высоко на крыше раздался поразительно звонкий звук дудочки.

Агнесс удивилась. Кто мог в такое время играть на дудке? И для чего? Чтобы им легче было умирать?

Но под переливами настойчиво играющей дудочки крысы остановились. Нехотя, будто в трансе, слезли с Агнесс и поползли вниз. Площадь медленно опустела. Зато стены замка стали темно-серыми от ползущих по ним тварей. Агнесс повернулась на живот и с трудом поднялась на колени, едва не свалившись вниз. Вставила кинжал в ножны и посмотрела на свои руки. Они все были в крови. Чья кровь? Ее или крыс?

Рыцари зашевелились и, пошатываясь, поднялись. Все они смотрели вверх, боясь никчемным словом или невольным шумом разрушить колдовскую мелодию.

Крысы ползли отовсюду, казалось, им не будет числа. Вот они заполнили уже всю крышу, но музыкант не появлялся.

Из угловой башни выскочил залитый кровью мужчина. На нем не было доспехов и коричневый бархатный камзол был полностью изодран: ему тоже досталось от крыс.

Струйка крыс, ползущих из подземелья, становилась все тоньше и тоньше. Последними плотной стаей, будто элитный отряд, показалось около сотни совершенно черных крыс. За ними медленно ползла огромная, ростом с собаку, омерзительно жирная и черная, как мрак, крыса. Агнесс тихонько вскрикнула от ужаса.

Вот кто руководил всеми крысами! Эта огромная крыса-предводитель даже на крысу-то не походила.

Крысища подняла малюсенькую головку с длинными белыми усами и пронзительно запищала, будто приказывая крысам вернуться. Очнувшиеся от транса крысы замерли, не понимая, кому повиноваться – дудочке или своему предводителю.

Крыса запищала громче, повелительнее, и крысы повернули обратно, злобно пища, собираясь снова напасть на людей. Но тут к ней подскочил один из рыцарей и мощным ударом меча снес голову.

Ужасное тело еще дергалось в агонии, когда крысы, подчиняясь настойчивому зову дудочки, покорно полезли вверх. Агнесс не знала, что делать. Воспользоваться моментом и попытаться бежать или дождаться конца этого невероятного выступления?

Дудочка звала настойчиво, требовательно, и крысы все лезли и лезли на крышу, давя друг друга. Не в этом ли заключался замысел невидимого музыканта? Но все крысы друг друга все равно не передавят, кто-нибудь да останется.

Невидимый музыкант играл все слабее, явно устав. Из башни, пошатываясь, вышел еще один мужчина, в черном костюме, так же, как на первом, изодранном в клочья. Сквозь прорехи сочилась кровь и мелькала белая кожа. Задрал голову, пристально посмотрел на колонну. Агнесс свернулась в маленький комочек, не желая, чтоб ее обнаружили. Мужчины говорили негромко, звук до нее не долетал, но по их огорченным жестам она поняла, что кольцо они не нашли.

Это значило одно: его нашел граф.

Ее охватило жестокое разочарование. Все ее труды пошли прахом. И на что она надеялась, пускаясь в эту безнадежную авантюру?

На самой верхушке главной башни показался тонкий и гибкий мальчишка, Агнесс никогда его не видела. Он играл на дудочке, крысы упорно лезли за ним. Внезапно он прыгнул на соседнюю башню, потом еще на одну.

Агнесс в изумлении следила за его немислимыми прыжками. Разве может человек преодолеть такие расстояния? Может, у него не ноги, а крылья? Он уверенно приземлился на самом краю крыши средней башни, не выпуская из рук дудочку и продолжая играть.

Кто это мог быть? Агнесс не знала никого, похожего на этого пружинку-парнишку.

Крысы попрыгали за ним следом, но срывались и ударялись о крышу. Для кого-то эти прыжки оказывались последними, но большинство снова упрямо лезло на зов дудочки. Но вот мальчишка достиг края последней башни. Дальше пути не было. Агнесс горестно всхлипнула. Конец!

Надо уходить отсюда, пока не поздно. Мальчишка считал так же, потому что сердито погрозил людям кулаком: скорее уходите!

Мужчины не стали ждать повторения приказа, подняли ворота и побежали по мосту к своим коням, на ходу сбрасывая тяжелые доспехи. Агнесс решила последовать их примеру, подползла к краю, взглянула вниз и поняла, что убежать не сможет. Подниматься было куда легче, чем спускаться.

Можно было, конечно, попытаться, но раны, нанесенные крысами, были слишком болезненными и кровили. От потери крови и перенесенных усилий кружилась голова и дрожали руки. Нет, ей с колонны не спуститься.

Будто поняв это, мальчишка пробежал до края парапета и заглянул вниз. Крысы наступали, тесня его. Внезапно он присел и прыгнул, скрывшись во рву с водой. Агнесс горестно вскрикнула. Ему оттуда не выбраться! Вода во рву давно превратилась в зловещую трясиину, из которой не было спасения.

Но дудочка играть не перестала. Агнесс ахнула. Он жив? Но как? Не мог же он перепрыгнуть через ров! Для этого нужно иметь не руки, а крылья. Если только там не остались остатки дуба, по которым она перебиралась из замка во время бури.

Чуть помедлив, крысы попрыгали следом. Дудочка не умолкала, звала и звала их за собой, и они безропотно следовали за ней, ныряя в вонючую черную воду. Время шло, а крысы все лезли и лезли в ров, не кончаясь. Агнесс почувствовала, что теряет сознание. Она свернулась клубком и закрыла глаза. Будь что будет, у нее больше нет сил сопротивляться.

Очнулась она от того, что ее кто-то сильно тряс за плечо.

– Агнесс, Агнесс, очнись!

Ей почудилось, что она на своей кровати, что она проспала, и граф сердится на нее. Попыталась вскочить, но была удержана сильной рукой.

– Ты свалишься, если будешь так дергаться! – сердито предупредил ее незнакомый голос.

Она послушалась и замерла. Открыв глаза, сквозь кровавый туман разглядела своего спасителя. Он оказался вовсе не мальчишкой. Это был мужчина чуток за двадцать, с поразительно синими глазами и черными от сажи лицом и руками, на удивление тонкий в кости.

– Зачем тебя сюда принесло, хотел бы я знать? – он выражался как-то вычурно, с непонятным акцентом. – Я с таким трудом помог тебе сбежать отсюда, а ты снова сюда заявилась!

– Кто ты? – ей показались знакомыми эти синие глаза, но слабость не позволила ей вспомнить, кто это.

– Потом! – отрезал незнакомец. – Сначала надо убраться отсюда. Ты истекаешь кровью. Крысы тебя здорово искушали.

Он приподнял ее тело, снял с плеча смотанную веревку и закрепил край за уступ колонны каким-то сложным узлом.

– Пошли! – держась одной рукой за веревку, другой поддерживал ослабевшую девушку. Она старалась ему помогать, но обессиленные руки дрожали и не давали уцепиться за веревку.

Но он уверенно прокладывал себе дорогу, нащупывая ногами еле заметные выбоины и выступы и почти таща ее на себе. Быстро спустившись, дернул за веревку, та упала к его ногам

изящными кольцами. Смотав ее, повесил на плечо, легко поднял Агнесс на руки и понес в замок.

Она удивилась. По его виду ни за что не догадаешься, что в нем столько силы. Но он направился не в ее башню, как она надеялась, а в башню графа.

– Зачем туда? – Агнесс не хотела идти в этот вертеп.

– Я там живу. И графская часть лучше всего сохранилась, переходы там почти чистые. Не забывай, в замке был пожар. Возможно, он разбудил крыс.

Агнесс слабо уточнила, борясь с головокружением:

– Нет. Их разбудила я. Вернее, граф, но с моей помощью.

Она подняла голову, стараясь понять, где они находятся. От усилия у нее потемнело в глазах, и она тут же уронила ее обратно на его плечо, чуть слышно застонав.

Он поспешно попросил:

– Не шевелись пока. Вот придем в мое тайное укрытие, тогда и расскажешь.

Укрытие? Тайное? Он жил здесь в укрытии? Тогда понятно, почему она его не помнит. Вернее, вспомнит, если немного передохнет. Такие глаза не забываются.

Подкинув Агнесс на руках, видимо, определяя ее вес, носильщик недовольно решил:

– Нет, мне тебя туда не затащить, проход для двоих слишком узкий. Если только волочь, но тебе это вряд ли понравится. Ладно, придется устроить тебя в покоях графа. – Почувствовав, как при этих словах напряглось все ее тело, он утешил: – Не бойся, это не надолго. И там никого нет. Все сбежали от крыс. В замке вообще никого нет. Кроме меня.

Агнесс не хотела появляться в ужасающих ее комнатах, но ее никто не спрашивал. Музыкант внес ее в спальню и осторожно уложил на огромную кровать графа.

– Не робей, я быстро. В дымоходе в верхнем колене есть целительная зола, я ее принесу. И не бойся, в замке крыс нет, они все утонули.

Он убежал. Агнесс замерла, боясь дышать. Здесь жил граф, и она не хотела дышать отравленным им воздухом. К тому же ей было страшно. Казалось, что Контрарио здесь, что он смотрит на нее своими страшными глазами. И она снова не может ему противиться.

Крысиные укусы воспалились. От жара, кипевшего внутри, все плыло перед глазами, и она каждую минуту боялась умереть. Кожа болела нестерпимо, будто ее заживо сжигали на костре. Она нащупала кинжал. Ухватившись за рукоятку, наполовину вытащила его из ножен. Такая боль была ей не по силам, уж лучше умереть. Если музыкант не сможет ей помочь, она сумеет воткнуть лезвие в себя. Это проще, чем страдать от невероятной муки.

Он вернулся на удивление быстро с небольшой глиняной плоской, доверху полной неприятно пахнувшей вязкой жидкостью.

– Повернись, я смажу твою спину сажей. Вот увидишь, сразу поможет. И давай мне твой кинжал. Он тебе сейчас не нужен.

Он снял ножны с ее пояса и вставил в них лезвие, потом небрежно бросил перевязь на пол рядом с кроватью.

Агнесс было уже все равно. Ядовитые крысиные укусы горели огнем, кровь из них сочилась не переставая, она то теряла сознание, то снова возвращалась в действительность.

Стянув с нее одежду, он перевернул ее на живот и осторожными круговыми движениями начал втирать ей в спину свою липкую мазь, негромко приговаривая:

– Все будет хорошо, я этот способ много раз проверял на себе.

В самом деле, там, где он мазал, боль мгновенно стихала. Обессиленная Агнесс начала засыпать под его осторожными руками. Она уже не слышала, как он перевернул ее на спину и смазал все тело вязкой сажей.

Проснулась она от внезапно охватившего ее ужаса. Открыв глаза, увидела читающего книгу графа, вольготно развалившегося в кресле, и испуганно вскочила. Какая ерунда ей приснилась! Нескио, побег, крысы...

Вот же он, граф, сидит в своем любимом кресле как ни в чем не бывало!

– Что, тебе легче? Я же сказал, что мое средство верное и поможет сразу! – твердый мужской голос бы уверен и самодоволен.

Агнесс обессилено опустилась на кровать. Нет, это не граф. Это ее избавитель, но в костюме графа.

– Зачем ты надел этот камзол? Я жутко перепугалась! – ее голос подрагивал от перенесенного ужаса.

Он недовольно пояснил:

– У меня все штаны в дырах. Разорвал, пока прыгал по крыше и на дуб посередине рва. Пришлось найти что-нибудь подходящее. А что, тебе не нравится? Предлагаешь пойти поискать что-нибудь у слуг? Но мне там подобрать что-нибудь подходящее будет сложно. Они все были слишком здоровые. Ширококостные толстяки, как на подбор. Да и пошиты кафтаны со штанами из грубой дмотканой ткани, я такую не люблю.

Агнесс с облегчением откинулась на мягкие подушки. Хотя тело больше и не болело, но слабость донимала.

– Нет, ничего искать не надо. На мгновение мне показалось, будто передо мной граф. Сердце до сих пор колотится.

– Да? Граф неприятный тип, это верно, – он перелистнул страницу и замолчал, увлеченный чтением.

Проведя по телу рукой, она поняла, что совершенно голая, да еще вымазана в какой-то липкой гадости. Вытянув из-под себя простыню, завернулась в нее. Уже стемнело, видно было плохо. Вспомнив, что в тазу для умывания должна быть вода, Агнесс скованно попросила:

– Зажги свечу, пожалуйста, огниво у подсвечника. И выйди. Мне нужно привести себя в порядок.

Он послушался, но при этом проворчал:

– Терпеть не могу огонь. Он меня слепит. Без него гораздо лучше. К тому же зачем мне выходить? Я всех слуг голышом много раз видел. И тебя в том числе. Мне все равно.

При свете свечи стало видно, что одежда графа висит на нем как на палке. Но Агнесс ничего ему об этом не сказала. Пусть носит, если ему нравится. Кому тут на него любоваться?

– Ты выйдешь? – она понимала, что ему все равно, но ей-то было неудобно!

– И не собираюсь. Здесь неплохо. И книга мне нравится. Она об истории королевских походов. Интересно. – Повернувшись к свече спиной, он продолжил читать, тут же забыв о собеседнице.

Решив, что с ним спорить бесполезно, Агнесс взяла свечу, захватила свою одежду и прошла в соседнюю комнату. Там в тазу для умывания и в самом деле была налита вода. Вымочив полотенце, висевшее здесь же, скинула простыню и принялась мокрым полотенцем стирать с себя сажу, прополаскивая его в тазу.

Вода тут же стала грязной, прилипчивая сажа отмывалась плохо. Протирать пришлось несколько раз все тело, пока кожа не стала чище. Надев свой изрядно изорванный крысами мужской костюм, вернулась в спальню, не забыв свечу.

Он спросил, сердито прикрыв глаза рукой:

– Опять этот дурацкий огонь! Без него что, никак нельзя?

Она поставила свечу за пологом кровати. Огонек заколыхался и чуть было не погас. Поправив фитиль, тихо прошептала:

– Я без него ничего не вижу. Извини.

– Ладно, – смиловился он. – Только больше свечей не зажигай! Хватит и одной. – Нежно погладил корешок книги и спохватился: – Но почему ты сказала, что разбудила крыс? Этого я не видел.

Сил не было, донимала слабость. Снова поудобнее устроившись в графской постели, она рассказала ему, что случилось в ту роковую ночь. Он в ответ лишь пожал плечами.

– В подземелье мне бывать доводилось, ничего страшного я там не видел. Там много старинных вещей. Мне они нравятся. И про колодец я знаю. Сам видел, как граф тащил туда старую ключницу. Но в колодец не спускался. Надо будет попробовать. Интересно, что там внизу. Раз уж граф выбрался, я тем более выберусь! – это прозвучало на редкость хвастливо.

Агнесс часто заморгала, стараясь сдержать слезы. Она любила старушку, и ее исчезновение стало для нее вторым в жизни после своего похищения большим горем.

От неверного света маленькой свечи по стенам плясали страшные тени. Стараясь отвлечься, Агнесс спросила:

– Кто ты? Мне твое лицо кажется знакомым, но не могу вспомнить, где я тебя видела.

– Ты меня видела много раз. Я Феррун. Мы с тобой частенько встречались в коридорах возле воздуховодов. Но ты не обращала на меня внимания. Может, думала, что я из графской челяди.

– Феррун? Трубочист? Какое странное имя! – Агнесс приподнялась на локте и вгляделась в полутьму. Возле Ферруна плясали какие-то неясные блики.

Он недовольно повернулся к ней. Книга интересовала его куда больше.

– Меня так назвал граф. Я живу здесь очень давно. Наверное, всю свою жизнь.

Закрыв глаза, Агнесс попыталась вспомнить, когда она его видела. Но воспоминания ускользали, слабость не давала сосредоточиться. Не желая признаваться в этом, она воскликнула:

– А, вот почему мне показалось знакомым твое лицо! Но почему ты никогда не выходил к нам?

Феррун скорчил презрительную гримасу.

– Чтоб не встречаться с графом. Я сказал графу, что он дурак, и он пообещал скормить меня крысам. Я решил ему на глаза не показываться. В то время я был еще слишком слаб, со мной любой мог справиться.

– Но как ты жил? – Агнесс ужаснулась, представив маленького мальчика одного в этом ужасном замке, где хозяйничали крысы.

– Лучше, чем ты. Надо мной никто не издевался.

Агнесс покраснела от пронзившей ее догадки.

– Ты что, видел меня с графом? – мысль о том, что Феррун видел, как ее насиловал граф, была непереносима.

– Видел. Почему ты его не убила? Взяла бы нож и пырнула, только и делов.

Она медленно выдохнула, стараясь успокоиться. Ей было так стыдно, что даже язык во рту не шевелился.

Феррун наморщил лоб и заявил:

– Впрочем, я знаю, почему. Ты поклялась ему служить. Он всех новеньких заставлял повторять одно и то же: «Я клянусь во всем быть покорным своему господину...». И махал перед ними своим кольцом. Это что, было заклятье?

– Да. Я не могла ему противиться. Мне это и в голову не приходило.

Феррун покачал головой.

– Хорошо, что он не успел это сделать со мной. Когда он начал махать передо мной своим красным кольцом, я обозвал его дураком и просто удрал.

– Удрал? – Агнесс впервые услышала о таком. – От кольца еще никто не удирал. В нем волшебный камень. Ты первый, кому это удалось. – О себе Агнесс говорить не стала. – Но как ты это сделал?

Феррун небрежно пожал плечами.

– Не знаю. Я и теперь не понимаю, почему все повинуются графу. Я видел, что он делает с людьми. Издевается над ними, как вздумается. И над тобой тоже. Мне часто хотелось его убить.

– Почему же не убил? – Агнесс подумала, как бы это было хорошо. Или, наоборот, плохо? Ведь убийцу стали бы искать, и всем слугам не поздоровилось. И в первую очередь ей.

– Не знаю, – Феррун задумался. – Я хорошо стреляю из лука и возможностей было сколько угодно, а вот не убил.

– Наверняка графа охраняло его кольцо, – догадалась Агнесс. – Но ты молодец. Если бы его убил, мог подпасть под власть кольца. И стал бы хуже графа. У кольца страшная сила. Или, вернее, у того ужасного камня, что вставлено в кольцо. Я из-за него и вернулась.

Феррун слегка заинтересовался:

– Зачем оно тебе?

– Мне оно не нужно. Но его ищет и граф, и нескио, и наместник с сыновьями. Я хотела отдать его нескио.

Феррун перевернул еще одну страницу и, не отрывая от нее глаз, небрежно уточнил:

– Нескио? Это тот мужик, что приезжал с тремя другими? Ты еще почему-то не уехала с ним. Мне казалось, ты это сделала зря.

– Теперь я тоже так думаю. Но я не смогла, меня Тетриус не пустил.

– Тетриус? – уточнил Феррун, с трудом отрываясь от чтения и поднимая на нее пронизывающий взгляд.

Ей стало не по себе и она нервно пояснила:

– Да. Камень в кольце называется Тетриус. Это треть камня наших королей. Если его восстановить, то он даст мощную защиту всему народу.

– А что, народу что-то угрожает? – Феррун понятия не имел, что это такое – народ. – Я думал, самый страшный враг – это граф.

Агнесс вспомнила пророческие слова Фелиции. Объяснила Ферруну как можно проще, боясь, что он ее не поймет:

– Скоро на нас нападет по-настоящему страшный враг. И всех нас уничтожит. Их очень много, и они очень злые.

Феррун сделал свой вывод:

– Да? Тогда нам лучше оставаться здесь. Сюда никто из врагов не проникнет.

Агнесс отшатнулась.

– Ты хочешь всю жизнь просидеть в дымоходе, как сверчок или крыса? Я за последнее время посмотрела на белый свет и сюда не вернусь ни за что. Это ужасное место. Здесь жизни нет.

Феррун отложил книгу в сторону. Этот разговор его заинтересовал.

– Вообще-то, ты права. Я недавно ходил на площадь. Единственный колодец с питьевой водой завонял. Наверное, из-за утонувших крыс. Но пока в погребе полно пива и вина. Можно пить его.

– Но нужно же мыться и стирать белье? С этим-то как?

Он не видел в этом проблемы:

– Собирать дождевую воду. Выкатить пустые бочки во двор, и все. Хотя это лишнее. Я не моюсь и живу себе припеваючи. Нет, жить здесь можно долго. Но ты права, это ужасно скучно. Раньше, когда в замке были люди, было интересно. Можно было ходить от комнаты к комнате и слушать, что они говорят. Сейчас тоска. Теперь даже крыс нет.

Вспомнив о сером нашествии, Агнесс передернулась и обхватила себя за плечи подрагивающими руками.

– Давно ты догадался, как с ними справиться?

– Вообще не знал, что так можно. Увидел, как ты залезла на колонну, а крысы затобой, и испугался. Тебя мне было жаль. Вспомнил, что у грума была дудка, он на ней играл иногда,

когда граф был в отъезде. Нашел ее и стал играть. Я в одной старой книге прочитал, что так можно созвать всех крыс. Так и оказалось.

– Ты всех нас спас! – с благодарностью произнесла Агнесс. – Если бы не ты, крысы сожрали бы и меня, и тех мужчин, что были здесь. А среди них были сыновья наместника.

На Ферруна известие о том, что он спас самих сыновей наместника, впечатления не произвело.

– Мне дела нет до вторгшихся сюда мужчин. Но тебя мне спасти хотелось. Ты была добра ко мне, и я к тебе привязался.

– Добра? Когда? Не помню, – она нахмурилась, пытаясь хоть что-нибудь припомнить.

– Я еще маленьким был, глупым, часто на свет выходил. Как-то меня увидал сенешаль и дал мне затрещину за то, что я недостаточно низко ему поклонился. А ты запретила ему меня бить и увела в замок. Он еще выругался и сказал, что всякие подстилки будут ему указывать. А потом я снова скрылся в своем дымоходе, и ты меня найти не смогла.

Агнесс наконец-то вспомнила, где видела эти необыкновенные глаза.

– Я считалась экономкой, и замковые слуги были в моем подчинении. Их никто не имел права бить. Хватало и графа, который отпускал затрещины всем без разбора.

Феррун закинул на стол худые ноги, обтянутые длинными голенищами высоких сапог. Пристально посмотрел на нее, отчего-то поморщился.

– Я знаю. Ты их и от графа защищала, хотя он потом отыгрывался на тебе.

– Да, – покорно согласилась Агнесс. – Но это было привычно и не считалось чем-то особенным. Зато как было хорошо, когда граф уезжал в столицу! – она мечтательно улыбнулась. – Это был праздник.

– Все вокруг оживало, – подхватил Феррун, – и было весело. Повар варил много пива. И браги. Хотя граф это и запрещал. Но это, пожалуй, единственное, в чем слуги рисковали его послушаться. – И развязно похвастал: – Я всегда знал, что делается в замке. Графу до меня далеко.

– Ты бывал на площади? – Агнесс нахмурилась, пытаясь припомнить, видела ли она эту долговязую худую фигуру. Вряд ли. Если б увидела, наверняка бы запомнила. Уж очень он примечательный.

– Я часто выходил наружу. Правда, только по ночам.

– Вот откуда столько рассказов о привидениях! – она невольно засмеялась. – Кто только не клялся, что их видел. И я тоже видела привидение пару раз. А это просто-напросто был ты.

– Я тоже не раз видел здесь привидения, – отчего-то рассердился Феррун. – Но я не говорю, что это просто-напросто была ты.

Агнесс испуганно посмотрела по сторонам. Высокие темные стены внушали ужас, впитанный за прошедшие столетия.

– Что за привидения? – ее тихий голос пугливо дрогнул.

– Всякие. Пару раз видел даму с проеденной насквозь грудью, наверное, крысы постарались, один – красавицу со сломанной шеей. Их вообще тут много бродит, самых разных. Главным образом женщин. Но есть и мужчины.

– Ох, дама с проеденной грудью, наверное, мать графа, – Агнесс вспомнила рассказ ключницы и слова графа о своей матери. – Ее сожрали крысы. А им приказал это сделать граф. Какой же он безжалостный! Ведь это была его родная мать!

– Знаю, я слышал об этом, – Феррун безразлично поправил мешающую ему читать прядь волос. Его не волновало ни привидение графини, ни ее смерть.

Агнесс села на кровати и повертела сначала головой, потом руками и ногами. Слабость еще оставалась, но не такая сокрушительная, как прежде.

– Но что это я? Я же приехала за кольцом с тем страшным кровавым камнем, Тетриусом. Ты не видел его? Я бросила его в камин в своей спальне.

– Так вот почему там так полыхал какой-то странный синий огонь! И молния ударила прямо в это место.

– А граф там ничего не искал?

– Нет. Он вылез из подземелья на следующий день утром весь окровавленный и избитый. И почти сразу уехал. Он кричал, что за тобой, и чтоб остальные поторопились.

Агнесс представила, что бы было, если б граф ее поймал, и в горле встал удушливый, не дававший дышать комок. Прокашлявшись, она глухо заметила:

– Его никто не бил. Наверное, разбился при падении. Там же ужасная глубина. Как он умудрился выжить? Ему помогли крысы, не иначе!

Феррун с вождением посмотрел на книгу. Разговор начал ему надоедать. Ему никогда не приходилось столько времени болтать попусту.

– Может быть, больше некому. Кстати, я приходил в твою башню после бури. Там над камином обрушился потолок, ничего найти нельзя. Я думаю, кольцо сгорело. Никакой металл не выдержал бы такого накала.

– Металл, возможно, и расплавился, но не камень. Надо сходить посмотреть. – Агнесс не верила, что для Тетриуса все так бесславно кончилось. – Камень из короны наших королей. Наверняка его просто так не уничтожить. Он цел, я уверена. Только вот где его искать?

– Сходим, но завтра. Мне-то все равно, мои глаза ночью видят лучше, чем днем, но ты идти по такой темноте да еще в разрушенной башне не сможешь. Тебе сначала надо отдохнуть, ты слишком слаба.

В животе Агнесс неприлично заурчало. Виновато улыбнувшись, она призналась:

– Сначала мне надо поесть и попить. Здесь есть что-нибудь съедобное?

Феррун неохотно отложил взятую книгу и поднялся.

– Почти все сожрали крысы. Они обезумели после бури. А может, это козни графа. Но крысы были везде. Они сожрали всех, кто не успел убежать. Хотя меня они не трогали. Возможно, принимали за своего: я же весь в саже. Человеком от меня не пахнет.

– А что ты ешь сам?

– В погребе в бочках уцелело пиво и вино. Да еще окорока, они подвешены так, что крысы до них не добрались. Но, скорее всего, они их не сожрали потому, что другой еды было в досталь.

– Окорок это хорошо. И пиво. – Агнесс почувствовала зверский голод.

– Сейчас принесу. Но хлеба нет.

– У меня в сумке был хлеб. Но ее разорвали крысы. Вряд ли там что-то осталось.

Он ушел. Агнесс посмотрела вокруг. Сколько страшных воспоминаний связано с этой роскошной комнатой! Именно здесь граф больше всего любил над ней издеваться. Она знала: если он позвал ее в свои апартаменты, значит, ее ждет боль и слезы. Контрарио особенно любил мучить ее до слез. Она в пику ему старалась не плакать и гордо терпела все муки, не желая, чтоб ее слезы доставляли ему изуверскую радость.

Феррун вернулся быстро, неся сумку, вернее, то, что от нее осталось. Локтем он прижимал к себе небольшой бочонок с пивом, в другой руке держал окорок и две тарелки. Ни вилки, ни ложки он захватить не догадался. Небрежно кинул холщевую сумку на кровать прямо в руки Агнесс.

– Вот твоя сумка. Помятая и изодранная, но внутри вроде все цело.

Она развязала завязки. Риза была цела, завернутая в нее фляжка с водой тоже. Обернутый в холстину хлеб раскрошился, но был вполне съедобен.

Есть на кровати она не захотела, перешла в малую гостиную графа. Здесь у стены стоял небольшой стол, она удобно устроилась за ним, поставив подсвечник с одинокой свечой перед собой.

Феррун прошел за ней, но за стол садиться не пожелал, устроился на полу.

– Будешь? – она подала Ферруну половину хлеба, он охотно взял. Но от воды отказался.
– Мне пиво нравится больше. А ты пей воду, если не хочешь ни вина, ни пива. Но это ты зря. Наш повар хорошее пиво варил.

Агнесс мрачно поежилась.

– Я видела останки Стена. Они у второй заставы. Надо бы похоронить. Вдоль дороги валяется много человеческих костей. Нехорошо это.

Феррун накромсал своим кинжалом окорок на большие куски, подал один Агнесс, другой взял себе и равнодушно заметил:

– Не наше это дело. Граф похоронит, это его люди. К тому же повар был злой.

– Здесь не было добрых людей, Феррун, – зажмурившись, как от острой боли, выговорила Агнесс. – Здесь жизнь такая, недобрая, и люди от такой жизни злые.

– Ну не все. Ты же добрая, – возразил Феррун, откусывая большой кусок окорока и говоря сквозь зубы. – Хотя тебе-то от графа доставалось больше всех. Наверное, ты похожа на кого-то, кто сильно его обидел.

Агнесс вспомнила Фелицию. Они с ней обе блондинки, это верно, но Фелиция неизмеримо ее краше. Хотя кто знает, возможно, он и пытался мстить Фелиции через нее, теща свое самолюбие. Поведение Контрарио всегда было непредсказуемым.

Феррун снова запустил острые зубы в мясо, быстро, по-звериному, прожевал и проглотил. И тут же принялся за второй кусок.

– Как ты жил? Практически один, с таких малых лет? – Агнесс следила за ним с сочувствием, понимая, что он попросту не представляет, как приличествует держать себя за столом. Да и сидение на полу не слишком-то способствует соблюдению правил этикета.

Он сделал большой глоток пива, запивая окорок, и ухмыльнулся.

– Хорошо жил, мне нравилось. Кстати, спасибо старухе ключнице. Она читала молитвы вслух, я за ней выучился читать. Читать интересно. Я почти все книги в хранилище прочел. А потом я научился читать и на других языках, – сообщил он как само собой разумеющееся. И добавил: – Я за всеми слугами следил и за графом тоже. Это было весело.

Агнесс поморщилась. Открытие, что за каждым твоим шагом наблюдал бесцеремонный мальчишка, было не из приятных. Но откуда ему знать, что так делать нельзя? Он жил, наблюдая за другими, а в замке не было достойных примеров для подражания. Один граф чего стоил.

– А писать ты умеешь?

– Умею. Что тут сложного? Смотрел, как пишет письма граф, и выучился. – В его голосе звенели уже знакомые Агнесс хвастливые нотки. – Я стащил у графа старые перья и чернильницу, но с чернилами были проблемы, пока я не нашел целую бутылку в комнате графини.

– Б-рр! – поежилась Агнесс. – Туда никто не ходит. Тебе там не страшно?

Он удивился.

– Страшно? Я не знаю, что это такое! Агнесс, я брожу по таким закоулкам замка, о которых ты и не слыхивала! Бывает, там и скелеты попадают. Особенно их много внизу, в замурованной темнице. Я думаю, о ней и граф не знает. В нее можно попасть только из нижнего дымохода, и идти уже по тюремным переходам. Там и пыточная камера есть. Вокруг столько замученных людей! Хочешь, покажу?! – он предложил это так, как гостеприимный хозяин показывает свои владения желанному гостю.

Агнесс с ужасом отказалась, положив кусок окорока на тарелку, так и не откусив. Аппетит пропал.

– Недаром здесь так тяжело жить. Неупокоенные души бродят по замку. Их мучения не окончились с их смертью, – ее голос дрожал от сочувствия.

– Да? Я так не думаю. – Феррун продолжал есть как ни в чем не бывало. – Привидения я видел только наверху, в графской части. Внизу их нет. Если верить тебе, то там пройти было бы невозможно из-за призраков.

Обескураженная таким выводом Агнесс замолчала. Но перед глазами все равно стояли несчастные, брошенные умирать в ужасном подземелье.

– В этом отношении граф куда добрее, – продолжал Феррун, отрезая себе еще один кусок окорока. Ему разговор о человеческих останках никакого неудобства не доставлял. – Он просто скармливал неугодных крысам. Раз – и готово!

– Как ты можешь так говорить? – возмутилась Агнесс. – Это же подло и бесчеловечно!

– Бесчеловечно? – Феррун слегка задумался. – Извини, но я не знаю, что это. Я много читал, книгохранилище у графа большое, там есть очень интересные книги, но что такое бесчеловечно, там не написано. И в разговорах я ничего такого не слышал.

– Это то, что приносит боль другим людям. Попросту – это то, что ты никогда не сделал бы себе.

– Ну, если приходится выбирать, сдохнуть от голода в темнице или быть съеденным крысами, то я бы выбрал второе, – раздумчиво заметил он. – По крайней мере, быстрее.

– У человека не должно быть такого ужасного выбора! – Агнесс вскочила и принялась метаться по комнате, не в силах унять волнение. – Он должен жить. И жить счастливо. – Уразумев, что спорит с графом, а не с сидевшим рядом мальчишкой, мальчишкой не по возрасту, а по развитию, замолчала и села обратно за стол.

Феррун никогда не знал, что это такое – жить счастливо, поэтому, пожав плечами, продолжил есть.

– Сколько тебе лет? – Агнесс порой казалось, что он совсем мальчишка, но в следующий момент он казался ей умудренным жизнью стариком.

– Не знаю.

– А родители?

– Не помню.

– Но ты где-то жил до замка?

Он призадумался.

– Понимаешь, Агнесс, я этого не помню. Мне кажется, моя жизнь началась здесь, в замке. Я даже не уверен, что откуда-то приехал. Может быть, я здесь и родился? Мне здесь все знакомо, и мне жаль замок, как родного. Мне он зловещим не кажется. Это мой родной дом.

Агнесс с сочувствием покачала головой. Он совершенно черными руками от сажи и грязи взял нож и отрезал себе еще кусок. На фоне белого окорока его руки казались особенно грязными.

– Ты вообще умывался когда-нибудь? И руки мыл?

– Зачем? – он искренне удивился. – Руки я вытираю, когда книги беру, чтоб на бумаге или пергаменте следов от пальцев не осталось. А лицо-то зачем? На меня ведь смотреть некому. Да и живу я в темноте. Солнце мне не нравится. Оно меня слепит. Хорошо, что сегодня солнца не было. Было бы гораздо труднее пробираться по крышам.

Не зная, что на это сказать, Агнесс предложила:

– Давай спать. Завтра покажешь мне мою комнату. Туда можно подняться? – она и без его слов знала, что можно, ведь мужчины, выглядывавшие из ее окна, были намного тяжелее нее. А это значило, что она тоже может туда пройти.

– Можно, – подтвердил Феррун. – Ничего трудного там нет. И идти проще по дымоходу, чем по лестницам, по ним опасно, они обгорели, в любой момент могут рухнуть. Но ни на что не надейся. В твоей спальне вместо камина огромная гора камней и мусора разного с рухнувшего чердака. Не знаю, как еще нижние перекрытия выдерживают. Они уже трещат, провалиться могут в любой момент.

Агнесс вдруг стало жаль свои комнаты, в которых прожила без малого десять лет. Она столько сил положила, чтобы они стали уютными и удобными для жилья. И вот от них остались лишь одни развалины.

– Ты есть еще будешь? Нет? Тогда я пошел! Спи! – Феррун собрал остатки еды и вышел. – Я буду тут, за дверью, так что ничего не бойся.

Без Ферруна графские покои сразу стали зловещими. Из всех углов протягивали костлявые руки страшные призраки прошлого. Как этот жуткий замок может быть родным? Она не понимала Ферруна. Но она-то хоть немного, но помнила о своей прежней благополучной жизни в дружной семье, а он нет. Может быть, его чем-то оглушили, прежде чем привезти сюда? Граф позволял своим вассалам вербовать слуг любыми методами.

Нет, она никогда не сможет здесь заснуть. Агнесс встала, взяла свечу и вышла в кабинет. Здесь граф обычно занимался делами. Он любил проверять все сам, поэтому и она, и сенешаль, и управляющие поместьями графа отчаянно боялись этих проверок. После одной из них исчез управляющий городским домом графа. Куда он делся, никто не знал, да и не допытывался.

Ей тоже не раз попадало за ошибки, по большей части выдуманные графом. Агнесс не возражала, знала, что будет только хуже. Порка была наименьшей из наказаний. Порол ее граф всегда сам, возбуждаясь от ее боли, и порка заканчивалась диким соитием.

Агнесс поморщилась. Ей было противно все, что было связано с графом. Но из памяти не выкинешь проведенные здесь безрадостные годы. И что будет дальше? Возможно, это время покажется ей вовсе не таким уж безрадостным, как теперь? Особенно если ее посадят в тюрьму за грабеж, а потом повесят. Она же убежала, прихватив с собой драгоценности графа. Простолюдинам такое не прощается.

Глава вторая

Сна не было, хотя слабость и одолевала. Чтоб не тратить зря время, Агнесс принялась искать тайник в кабинете графа. Он несколько раз открывал его при ней, но она стояла в отдалении и не видела, что именно он делал. Простукав стену с тайником, ничего не обнаружила.

Сначала несколько огорчилась, но потом махнула на поиски рукой. Зачем ей тайник? Кольца здесь нет, а больше ей ничего и не нужно.

Походив из угла в угол, решила все-таки лечь. Снова пошла в спальню, легла на кровать графа и закрыла глаза. Надо обязательно поспать, иначе утром она будет похожа на мешок с отрубями. Возможно, сон ее освежит и слабость так донимать не будет.

Начала уже было дремать, когда в углу послышался какой-то противный шорох, заставив ее сесть на постели. Агнесс инстинктивно посмотрела вниз, заметила лежащий возле кровати кинжал и испуганно ахнула.

Единственный камень в основании рукоятки светился зловещим красноватым светом, таким же, как тогда, когда она лежала на колонне, окруженная крысами.

Опасность!

Понимание пришло интуитивно: граф здесь! Она метнулась в комнату, чуть не загасив свечу, схватила свой мешок, запихала в него все, что ей показалось своим, и бросилась в коридор. Там на полу на разостланном графском плаще безмятежно спал Феррун. Но он немедля проснулся, едва она открыла дверь.

– Что случилось? – вопросительно посмотрел на нее, приподнявшись на локте и шурясь от света свечи.

– Здесь граф! Бежим!

Ничего не спрашивая, он вскочил, накинул на себя плащ, задул свечу в руке Агнесс, схватил ее за локоть и потянул обратно в комнату. Подойдя к камину, забрал у нее мешок, помог забраться внутрь и показал на едва видимые выступы в дымоходе.

– Вперед, смелее! Я тебя поймаю, если сорвешься. Здесь слишком узко, чтобы взбираться рядом, – и полез следом.

Агнесс ничего не видела в полнейшей темноте, и он руками ставил ее ноги на выступы. Добравшись до главного дымохода, она упала и долго лежала, с трудом восстанавливая дыхание. Феррун спокойно сидел рядом, ожидая, когда она придет в себя. Успокоив сердцебиение, Агнесс тоже села, прижав руки к груди.

– Больно? – с сочувствием спросил Феррун.

– Боли нет. Просто сил нет никаких, слабость изнуряет.

– Ты потеряла много крови. Но давай я еще намажу тебя своей целебной сажей. Она тут рядом. Станет полегче, вот увидишь.

Он сходил и вернулся с полными пригоршнями липкой сажи. Агнесс пришлось раздеться, это она сделала неохотно. Было стыдно от прикосновения мужских рук к своему телу, да и чувствовать на себе эту грязь неприятно, но она вытерпела всю процедуру. И ей в самом деле стало гораздо легче.

– Как ты поняла, что здесь граф? – спросил Феррун, закончив натирать ее сажей.

– По кинжалу. – И она вытащила из ножен кинжал. Теперь камень светился еще ярче, с переливами.

– Ух ты! Красота какая! – восхитился Феррун. – Полезная вещь.

Она чуть слышно прошептала, боясь, как бы ее не услышали те, кого она так боялась:

– Он уже светился раньше, когда на меня напали крысы. Поэтому я и догадалась, что опасность рядом. А опасность – это граф.

– Хочешь сказать, что он светится, только когда опасность рядом?

– Не знаю. Это не мой кинжал, а графа. Я взяла его у него в сундуке.

– А, это он про него вопил, а я-то думал, с чего он так негодует.

Агнесс сконфузилась.

– Я искала самый простой. Все остальные были полностью изукрашены драгоценными камнями, а у этого только один, на рукоятке. Я не знала, что он такой ценный. – Посмотрев на яркий камень, опасливо предположила: – Может быть, он так зовет своего хозяина? Тогда его лучше выбросить.

– Дай посмотрю! – Феррун протянул руку, и Агнесс вложила в нее кинжал.

Он обнажил лезвие и нараспев прочитал какие-то странные слова, выгравированные старинной вязью по краю лезвия.

Она склонилась ниже, пытаясь хоть что-то разглядеть, но безуспешно. В темноте ничего не было видно.

– Что ты сказал? Я не поняла.

– Здесь написано: защищаю хозяина, – высокомерно перевел Феррун. И пояснил, будто объясняя ребенку: – Значит, он защищает тебя.

Агнесс с ним не согласилась:

– Но он принадлежит графу, поэтому речь идет о нем. Надо кинжал выбросить. Хотя мне его жаль. Он мне во многом помог.

Феррун взмахнул кинжалом. По острию зазмеились красноватые сполохи.

– Не думаю, чтоб он служил графу. Кинжал такой старый, что не может помнить всех своих хозяев. Теперь его хозяйка – ты, тебя он и предупредил об опасности. Но давай посмотрим, что там делает граф.

Она провела рукой по телу. Ладонь тут же стала отвратительно липкой и жирной.

– Я не могу, мне нужно вытереться. Я вся липкая и грязная.

Он негодующе фыркнул:

– Какая ты изнеженная! Ну ладно, принесу тебе мокрое полотенце.

Феррун ушел, через пару минут вернулся с горой мокрых полотенец. Кинул их ей.

– Давай пошустрее! Или помочь?

– Я сама, – быстро отказалась она от его нескромной услуги. – Только отвернись.

Пожав плечами, он отвернулся. Агнесс не видела, отвернулся он или нет, но, напомнив себе, что он уже видел гораздо больше, чем положено, и это все равно не поправишь, протерла тело сначала одним, потом другим полотенцем. Сажа оттерлась, но не вся. Кожа все равно была слегка липкой.

Натянула одежду, встала, покрутила головой, размяла тело и поняла, что почти здорова.

Феррун подал ей кинжал. Тот продолжал светиться все тем же угрожающим светом. У Агнесс от страха подгибались колени, граф внушал ей неизбывный ужас.

– Не бойся, он нас не увидит! – Феррун подал ей руку и помог пройти в темноте через длинный воздуховод.

Подвел к засветившемуся едва заметному отверстию в стене и чуть подтолкнул. Заглянув в него, Агнесс узнала кабинет графа. Посредине метался сам до предела разозленный граф, перед ним навтыжку стоял бледный начальник стражи.

– Замок ограблен! Пропало столько вещей! Вы мне за это ответите! – в неистовстве кричал Контрарио.

– Нас из замка выгнали крысы, господин, – упрямо заявил не чувствующий вины начальник стражи и волком посмотрел на некогда всевластного графа. – Это было ужасно! Они напали на нас всем скопом! Им не было числа! Мы ничего не смогли сделать. Вы же видели на дороге обглоданные дочиста скелеты людей?

– Я еще и доспехи видел у предмостной башни, и скелеты псов посредине площади! А это значит, что здесь были сыновья Беллатора! Если они нашли то, что искали, вы мне за это ответите!

Начальник стражи угрюмо молчал. Но в его молчании уже не было покорного страха, как прежде.

Граф почувствовал это и нехотя сменил тон:

– Ладно, это дело прошлое, ничего уже не поправить. Нам нужно найти Агнесс. Она здесь, в моей комнате все перемазано сажей. Для чего она это сделала? Решила таким образом мне отомстить? Но это глупо. Тем более что у меня в руках ее сообщник. Этот упрямый мальчишка на постоялом дворе все равно рано или поздно заговорит. Он не сбежит? – от этих безжалостных слов Агнесс похолодела и бессильно впила ногти в ладони.

– Его хорошо охраняют, – заверил его начальник стражи.

– Надо было все-таки взять его сюда.

Начальник стражи неловко переступил с ноги на ногу.

– Зачем? Вы же сказали, что мы здесь ненадолго. Днем поедем обратно. Для чего таскать с собой мальчишку?

Граф с силой ударил кулаком по стене. От удара полетела едкая пыль и начальник стражи чихнул, тут же закрыв рот ладонью. Контрарио брезгливо сморщил нос.

– Да чтобы поймать эту стерву на живца. Вряд ли она смогла бы спокойно слушать вопли своего возницы. И почему я об этом не подумал сразу? Хотя она от нас и без этого никуда не денется. Дождемся рассвета и примемся за поиски. Охрану выставили?

– Да. – Немного помявшись, стражник спросил: – Что делать с трупом той ужасной крысы, что валяется на площади? Это исчадь ада, а не крыса. Стражники в ее сторону даже смотреть боятся. – Ему было страшно подумать, что господин прикажет похоронить эту мерзкую тварь.

Граф на мгновение задумался.

– Бросьте ее в ров. И никому не говорите, что видели ее.

Начальник стражи с облегчением поклонился и вышел. Граф сел за стол и принялся перебирать листки, валяющиеся на нем.

– Черт! – воскликнул он, бросив на пол последний лист. – Ничего нет! И почему я не забрал все с собой сразу? Какая тварь тут шарилась? Это все эта девка виновата. Наверняка это она! – и он бешено погрозил кулаком. – Я до тебя доберусь, Агнесс, узнаешь, как карается измена!

Агнесс невольно сжалась, хотя граф не мог ее ни увидеть, ни схватить.

– Это из-за меня он так беснуется, – с удовольствием слушая проклятья графа, скромно признался Феррун. – Я утащил у него некоторые странные записи. Решил, что это заклинания. Или что-то на них похожее.

– Тише! – зашипела Агнесс. – Он может услышать!

– Не может, – возразил Феррун. – Я здесь даже кричал. Внизу ничего не слышно. – И крикнул в подтверждение своих слов: – Контрарио дурень!

Агнесс внимательно посмотрела на графа. Он не поднял головы. Но она все равно отвела Ферруна подальше от дыры.

– Давай не будет рисковать! Пока они не спохватились и темно кругом, сходим в мою комнату? По дымоходу. Тогда нас не увидят.

Феррун неохотно согласился:

– Не вижу смысла, но давай, если тебе так хочется.

Он повел ее по затхлым вонючим дымоходам. Идти приходилось в полной темноте и Агнесс крепко держалась за полу его плаща. Иногда проход был таким узким, что Агнесс еле в него протискивалась, но Феррун проскальзывал в эти крысиные лазы, как змея.

– Вот почему ты такой худой, – отдуваясь, заметила Агнесс после очередного протискивания по тесному проходу. – А я всерьез испугалась, что сейчас застряну!

Он рассмеялся.

– Тебе повезло, что ты не толстая. А то пришлось бы тебя оставить в особо узком местечке, пока не похудеешь, – зловеще пошутил он и серьезно добавил: – Но вот мы и пришли. Будешь вылезать? Мы над камином в твоей трапезной. В спальне все разрушено, туда по воздуховоду не попасть.

– Придется, – опасливо согласилась она.

Он прошел к дыре, резко обрывающейся вниз, и позвал ее:

– Спускаемся.

Спускаться было еще труднее, чем подниматься, и Ферруну пришлось опускать ее на своих плечах. Агнесс чувствовала себя на редкость распушенной и жутко покраснела, но Феррун вел себя так, будто носил на плечах неуклюжих девиц всю свою жизнь.

В трапезной было совершенно темно. Мебель стояла на своих местах, о пожаре напоминал лишь удушливый запах гари. Агнесс слепо пошарила вокруг. Где же свечи? Она всегда держала их на туалетном столике.

– Где-то здесь должны быть свечи. Не видишь?

– Зачем тебе свет? Мне и так хорошо! – уперся Феррун.

– Я же ничего не вижу в темноте! – возмутилась Агнесс и по наитию добавила: – Я же не ты! У меня нет твоего дара!

Слова о даре смягчили не знающего, что такое лезть Ферруна. Бесшумно пройдя по комнате, он подал ей свечи и огниво. Отошел к окну, посмотрел на площадь и предупредил:

– Свет зажжем только в коридоре, чтоб не привлекать внимания. По двору шастают люди. Если заметят, пойдут сюда. Будь осторожна, иди за мной шаг в шаг, лестница ненадежна.

Они вышли в коридор, он засветил свечу. Агнесс невольно вскрикнула и схватилась за стену: пол обрывался прямо перед ней.

– Вот об этом я тебя и предупреждал! – Феррун с чувством собственного превосходства взглянул в ее побледневшее лицо. – Иди за мной! Быстро!

Он по самому краю полуобгоревшей опоры легко пробежал в бывшую спальню Агнесс, не прикасаясь к закопченным поверхностям. Она медленно пробралась за ним, отчаянно цепляясь за обгоревшую стену. Руки тут же стали черными от копоти.

Войдя в свою бывшую спальню, охнула от огорчения.

Здесь сгорело все. Мебель превратилась в горку пепла, кучками лежавшими там, где еще недавно стояли ее вещи. Даже металлическая окантовка, украшавшая ее кровать, и та расплавилась и тускло светилась на полуобгоревшем полу маленькими блестящими слитками.

Посредине комнаты виднелись темные пятна и стоял стойкий запах запекшейся крови и пота, не перебиваемый даже гарью пожарища. Это здесь сдерживали натиск крыс Беллатор с товарищем. Агнесс стало дурно, едва она представила, что на месте кровавого пятна вполне могла лежать куча обглоданных костей, помедли Феррун еще только одну минуту.

Она поспешно отошла подальше, чтоб не чувствовать тошнотворный запах. Подняв свечу повыше, подошла к тому месту, где должен был быть камин. Над ним зияла дыра, через которую виднелись редкие звезды. Вместо камина высилась обугленная гора камней и черепицы, свалившейся с крыши.

– Ну как, можно тут что-то найти? – ехидно спросил Феррун. Забрал у нее свечу, высоко поднял, освещая все пространство вокруг камина неверным светом. – Если начнешь копать, все это свалится вниз. Слышишь, как потрескивает?

Под ногами что-то гулко треснуло и Агнесс поспешно отошла подальше от ненадежного места.

Уныло согласилась:

– Ты прав, пошли обратно! Здесь найти кольцо невозможно. Граф его тоже не найдет. Тем более он не знает, где его искать. Хотя бы с этой стороны опасаться нечего. Но мне жаль, что моя комната сгорела. Я надеялась хотя бы переодеться. Этот кафтан весь в дырах.

– Еще повезло, что в ту ночь был сильный ливень, иначе сгорел бы весь замок.

Агнесс с сожалением провела рукой по стене, прощаясь со своим жилищем. От ее руки остался длинный белесый след.

Во дворе раздались громкие крики стражников:

– Свет, в башне свет! Кто-то там есть! Поймать!

– Быстрее! – Феррун задул свечу, бросил ее на пол и потянул Агнесс обратно. – Скоро они будут здесь! Полуразрушенная лестница их не остановит!

Феррун ловко перебежал в темноте по остаткам лестницы обратно в трапезную, но Агнесс, ничего не видевшая в полном мраке, пробиралась медленно и осторожно, вздрагивая от криков поднимающихся по обгоревшей лестнице стражников. Внизу мелькали блики света – погоня шла с факелами.

Феррун спокойно ждал ее у входа в комнату, не обращая внимания на шум. С тяжело бьющимся сердцем Агнесс добралась до него, когда стражники достигли последнего пролета. Раздались угрожающие вопли:

– Вон они, вон! Их двое! Лови!

Забежав в гостиную, Агнесс заперла дверь изнутри.

– Толку-то от нее никакого, – Феррун с усмешкой смотрел на ее усилия. – По ней разпнешь, она и развалится!

– Не болтай зря! – Агнесс уже была крупная дрожь от страха. – Уходим! Скорее!

Феррун спокойно влез в камин, помог подняться Агнесс. Потом сноровисто полез вперед, вдвоем в дымоходе было не поместиться. Поднявшись на несколько футов, быстро подтягивал к себе цепляющуюся за него девушку.

Вытащив ее в главный дымоход, потянулся, разминая руки, и оживленно заявил:

– Здорово! Никогда не думал, что может быть так весело!

– Весело? – изнемогающая от усталости и страха Агнесс никак не могла понять его веселья.

Снизу раздалось несколько ударов, грохот упавшей двери и неистовые вопли:

– Они удрали по дымоходу! Смотрите, сколько напало сажи!

Феррун потянул Агнесс дальше.

– Пошли! Сейчас они полезут наверх!

Агнесс, пошатываясь, пошла за ним. Быстро идти она не могла. Чувствуя, что их сейчас схватят, со слезами повинулась:

– Извини, это все моя глупость. Если бы не я...

– Если б не ты, мне не удалось бы так славно повеселиться, – прервал ее довольный приключениями Феррун.

– Но нас поймают! – она не могла понять его неуместного хладнокровия.

Он хвастливо заявил:

– Нас никогда не поймают! – и ухватил за запястье, помогая идти.

Довел ее до перекрестка, поставил за выступом и дернул за рычаг. Позади послышался грохот падающих камней и поднялось облако пыли. Хохотнув от удовольствия, Феррун схватил Агнесс за руку и потащил ее в одно из ответвлений дымохода.

– Все! Башни нет! На стражников свалилась целая груда камней.

Внизу раздавались вопли боли и крики о помощи.

– А вот не надо лезть, куда не надо! – удовлетворенно заметил Феррун. – Нашли кого ловить! Меня! Да этим олухам меня в жизни не поймать.

– Неужели тебе их совсем не жаль? – Агнесс никак не могла понять подобного бесчувствия.

Феррун тут же разозлился.

– Почему я должен их жалеть? Они хотели поймать меня, а поймались сами. Все справедливо.

Агнесс не нравилась подобная справедливость, но она понимала, что спорить бесполезно. Феррун напоминал ей большого мальчишку с незрелыми понятиями о добре и зле. Или он напоминал ей графа?

От этой мысли она замерла на месте, пытаясь ее осознать. Не может ли Феррун быть сыном графа? Он же сказал, что, вполне возможно, родился здесь. Если кто-то из служанок тайком родил его и прятал лет десять, то это вполне возможно. Потом что-то приключилось с его матерью, – вполне возможно, граф расправился с надоевшей любовницей, – и он остался один. Конечно, граф был очень молод, когда родился Феррун, но это ничего не значит.

Теперь понятно, почему он казался ей таким знакомым. И даже не его лицо, а его стать и повадка. Интересно, если спросить у тех, кто знал графа в молодости, что скажут они? Похож Феррун на него или нет?

Она вспомнила о Фелиции. Вот кто мог бы сразу сказать, беспочвенны ее подозрения или нет. Хотя какая разница, чей сын Феррун? Граф все равно никогда его не признает. Да если бы и признал, что от этого изменится? Заберет Ферруна к себе и будет воспитывать его по своему образу и подобию?

Нет уж, пусть уж лучше он остается безродным сиротой со странными понятиями о добре и зле, чем станет таким же безжалостным и бессердечным, как граф. И она о своих подозрениях будет молчать.

– Устала? – Феррун по-своему истолковал ее остановку. – Может, тебя на руках понести? Мне не тяжело.

Нет, все-таки он никогда не станет таким бессердечным, как граф. Тот никогда ни о ком не заботился. Если только о Фелиции. Но размышлять было некогда: со двора слышны были крики, призывающие графа.

– Не надо меня нести, я нормально себя чувствую, просто испугалась. Пошли, нам надо успеть убежать, пока они возятся у башни.

– Убежать? Зачем? Я же говорю, им нас никогда не найти! Переждешь, когда они уедут, и спокойно выйдешь.

– Но ты же слышал: у них мой возничий, Энеко! – укоризненно воскликнула Агнесс, не понимающая, как о таком можно забыть. – Он привез меня сюда и остался ждать на постоялом дворе, хотя я просила его уехать. Теперь из-за меня он в большой беде.

Феррун заупрямился.

– Если спасать всех, то никакой жизни не хватит.

– Ты можешь оставаться, а я уйду, – она с отчаянием взмахнула рукой, не зная, как его переубедить. – Пусть погибну, но я не буду сидеть и ждать, когда из-за меня гибнет кто-то другой.

Ферруна эта пылкая речь не вдохновила. Он равнодушно проговорил, даже не глядя на нее:

– Дело твое. Я отведу тебя к выходу на площадь, а сам дальше не пойду. Мне и здесь неплохо.

Агнесс разочарованно вздохнула, но ничего не сказала. Феррун и так спас ее от крыс и вылечил. Что еще он ей должен? Но идти одной по пустынной замковой дороге, зная, что тебя вот-вот схватят, так страшно!

Они дошли до места, где Агнесс оставила свои пожитки. Она связала края рясы, получился мешок. Переложила в него уцелевшие от крыс вещи и сказала Ферруну, что готова.

– И что, ты в разодранной одежде идти решила? И далеко ты так уйдешь?

Агнесс посмотрела на свой кафтан. Он в самом деле висел жалкими лохмотьями, и к тому же был весь перемазан в саже и копоти. Может, надеть рясу? Но в ней быстро идти неудобно, подол путается в ногах, а прыгать и вовсе невозможно. Она растерянно посмотрела на Ферруна.

– И что мне теперь надеть? Идти в этом драном кафтане нельзя, любой поймет, что на меня напали крысы. Да и то, что я женщина, сразу видно. Может, ты что-нибудь найдешь?

Феррун с сомнением оглядел ее с ног до головы.

– Могу принести одежду груга. Он сбежал вместе со всеми. Вы с ним одного роста, так что его штаны и камзол тебе должны подойти.

Агнесс покорно вздохнула.

– Хорошо. Если это не слишком опасно.

Феррун молча повернулся и исчез в темноте. Появившись через несколько минут, кинул ей на колени сверток с одеждой и приказал:

– Переодевайся! – и снова исчез.

Агнесс постаралась как можно быстрее скинуть остатки своего кафтана и натянуть на себя одежду груга. К ее удовольствию, это оказалась парадная ливрея, надевавшаяся гругом раза два, не больше. Это она знала точно, потому что сама отдавала ее в стирку.

Рукава были немного длинноваты, штаны тоже, но в целом одежда оказалась почти впору. Накинув поверх нее плащ, Агнесс негромко сказала:

– Я готова, Феррун!

Он появился тут же и вывел ее по дымоходу до площади. По ней метались стражники с факелами, оттаскивая огромные глыбы от полуразрушенной башни. Было еще темно, и Агнесс затаилась за той же колонной, на которой спасалась от крыс.

Из замка вышел граф в видимой издали белоснежной рубашке. Завидев копошащихся возле башни стражников, сердито спросил:

– Что вы тут делаете?

– Башня обвалилась, под ней остались люди! – ответил ближний к нему стражник. – Вы слышите, они просят помощи!

– Какого дьявола! Светает! Ищите Агнесс! Она где-то здесь! Я это чувствую!

От этих слов по телу Агнесс волной прошелся липкий страх. Выручил ее вмешавшийся в разговор начальник стражи:

– Она была в башне, мои люди поспешили на свет в ее комнате. Но тут произошел обвал. Думаю, она тоже там.

– Ну, хорошо, – нехотя разрешил граф, – разгребайте завал. Ищите. Если найдете ее, немедленно дайте мне знать.

Он ушел, а стражники продолжали растаскивать обвалившуюся стену. Агнесс осторожно перебежала к воротам. Возле них дежурил все тот же неутомимый Ганс. Ворота были закрыты. Агнесс по-женски прижала руки к щекам. Ей не уйти!

– Эй ты! Иди сюда, ленивый бездельник! – заорал кто-то.

– Не могу, граф приказал стеречь ворота! – сердито ответил Ганс.

– У нас не хватает сил, чтобы вытащить это бревно! Иди сюда! Ничего с твоими воротами за пару минут не случится!

Ганс быстро пошел к башне, а Агнесс метнулась к подъемному вороту. Приподняла чуть-чуть, только для того, чтоб прокатиться под воротами. Стремительно вскочила и побежала, чувствуя, что далеко ей не уйти, от слабости опять начала кружиться голова. По мосту она уже не бежала, а шла. Дойдя до конца, села на краю дороги и обреченно положила голову на дрожащие колени.

Ей не уйти, нечего и пытаться. Зря она не осталась с Ферруном. Но как она могла ждать, зная, что вызвавшийся ей помочь мальчуган будет бесчеловечно убит после еще более бесчеловечных пыток?

Заскрипели поднимаемые ворота и она сжалась еще больше. Вот и все. Здесь негде скрыться. Это конец.

Из ворот вырвались кони и понеслись. Это за ней. Топот был все ближе и ближе. Вот один из всадников остановился рядом с ней, и она вытащила кинжал, чтобы воткнуть его в свое сердце. Она не будет больше служить кровавым развлечением для графа! И тут увидела, что камень не светится.

– Держи поводья, – приказал веселый голос Ферруна. – Я сейчас.

Она машинально ухватилась за брошенные ей поводья, и поднялась с земли, держась за них. Феррун исчез. В туманной дымке она разглядела, как мимо пронеслись неоседланные кони. Феррун выгнал коней из конюшни! Теперь в замке нет лошадей.

Внезапно земля под ней затряслась, и она в ужасе отступила подальше от моста, ведя за собой в поводу коня. Мост позади заскрипел, зашатался, вспарывая кромку земли, и его центральный пролет с железным громоуханием обрушился в воду.

Агнесс испугалась. Где Феррун?

Он показался из-под обрыва прямо перед ней.

– Здорово, да? – Он перехватил у нее поводья и приказал: – Давай садись!

Агнесс попятилась, с испугом глядя на огромную лошадь.

– Это жеребец графа! С ним справляется только граф. Он нас сбросит!

– Ну вот еще! – Феррун погладил коня по холке, тот приветливо помотал головой в ответ. – Мы с Бертом давно знаем друг друга. Он хороший конь, хоть и не самый выносливый. Конь зафыркал. Ему не понравились эти уничижительные слова.

Агнесс с опаской призналась:

– Я не умею ездить верхом! Я упаду!

– Я тоже никогда не ездил верхом! Но, думаю, это не сложно! – он одним прыжком заскочил на неоседланную лошадь. – Давай руки! – Ухватил ее за поднятые руки, рывком затащил наверх. Она неловко устроилась перед ним. Обхватив ее за талию, Феррун послал Берта в галоп, сказав только одно слово: – Вперед!

Лошадь послушно понеслась, высекая подковами искры из булыжников мостовой. Всадники шатались из стороны в сторону, рискуя упасть и разбиться. Но Феррун намертво ухватился рукой за гриву и держался крепко.

– Может быть, Берта стоило оседлать? – у Агнесс зубы от тряски выбивали неприятную дробь.

– Не умею я седлать лошадей, да и времени на это не было. Да и что тебе не нравится? Я же тебя держу! – и он сильнее обхватил ее рукой за талию, прижимая к себе.

Она невольно подумала, что тело у него как камень, даже синяки набить можно. Берт перескочил через невидимое в темноте препятствие и Агнесс испуганно вскрикнула. Пошатнувшись, крепче ухватилась за гриву и подумала, что лучше бы она пошла пешком. Через мост графу все равно не перебраться, так что время есть. Но с Ферруном спорить не решилась. Он такой самолюбивый, что ему может взбрести на ум?

– Почему ты поехал? Ты же не хотел покидать замок? – Агнесс все еще не могла поверить в свое спасение. – Я думала, никогда тебя больше не увижу.

– Я был неправ. В замке стало слишком скучно. Книги все прочитаны, граф скоро уедет, тебя тоже нет. Думаю, пришло время постранствовать по свету. Посмотреть, что там делается. Как ты дошла?

– Ты успел вовремя. У меня не было сил двигаться, – с этими словами Агнесс с изумлением поняла, что слабость прошла. Наоборот, она чувствовала себя полной сил. Вот что сделала с ней возрожденная надежда!

Он утешающее потрепал ее по руке.

– Я почти сразу решил идти за тобой, но нужно было собраться.

Агнесс повернула голову и увидела у него за плечами лук с колчаном и меч.

– Ты в полной боевой готовности?

– Конечно. Придется драться, если ты и впрямь вздумаешь выручать этого своего мальчишку. Одно прошу: не мешайся под ногами, – сердито потребовал Феррун. – Я терпеть не могу, когда кто-то пытается помочь, а на самом деле только мешает.

– Можно подумать, ты был во множестве сражений, – не могла не подколоть его Агнесс.

– Порой мне кажется, что да, – серьезно согласился он. – Наверное, потому, что я много читал про воинские подвиги.

Агнесс вспомнила свой путь через третью заставу и погибших от метко пущенных стрел схвативших ее стражников.

– Ты хорошо стреляешь. Где ты тренировался?

– В замке, где же еще? – он недоуменно пожал плечами.

– Но в дымоходе не потренируешься.

– Зато в верхних коридорах полно места.

Агнесс ничего не знала о верхних коридорах.

– В верхних коридорах? Где это?

– Наверху в центральной башне есть целый этаж. Пустой. Там можно тренироваться сколько угодно. Он замурован, не знаю, почему. Впрочем, в замке вообще много закрытых помещений.

– Ты хочешь сказать: тайных?

– Пусть тайных. Какая разница?

– Как ты сумел угнать лошадей?

– Проще простого! – его похвальба резала Агнесс уши. – Все возились с бревнами и камнями в твоей башне. Я поднял ворота, открыл дверь конюшни и свистнул. Больше не понадобилось.

– Тебя могли убить! – Агнесс похолодела, представив, как на голову Ферруна опускаются тяжелые мечи.

Но он только рассмеялся.

– Чем убить? Стражники же завалы разгребали, а не по сторонам пятались, оружия в руках ни у кого не было. К тому же меня никто не видел. Я умею быть незаметным, когда хочу. В темноте это нетрудно.

– А что ты сделал с мостом? Он с таким грохотом рухнул. Мне показалось, что сейчас в ров упадет всё. И замок тоже.

Он принялся подробно объяснять:

– Мост построен так, что можно потянуть за одну цепь снизу, и он рухнет. Не знаю, для чего это сделано. Возможно, чтоб обрушить его во время осады вместе с наступающими. Я так и сделал. Теперь граф со своими людьми долго не выберется из моей ловушки!

Они одну за другой миновали заставы. Все они были пусты. Агнесс проводила последнюю задумчивым взглядом.

– Интересно, почему граф никого не оставил на страже? Он всегда был таким осмотрительным.

– Их приехало слишком мало. Человек сорок, не больше. Он же думал, что приедет, схватит тебя и уедет обратно. А для этого заставы не нужны. Но не удалось. Теперь они мост будут восстанавливать неделю, не меньше.

– Но как они узнали, что я в замке? Я никому не показывалась.

– Это несложно. У графа везде полно шпионов. Возможно, поняли по твоему возку. Там остался твой запах.

– Запах? – Агнесс поразилась. – Никогда о таком не слышала.

– Хороший шпион распознает много запахов. Вот я, к примеру, могу узнать, кто был в комнате и через месяц после ухода этого человека. Не думаю, что я один такой.

Агнесс подумала, что он как раз такой один, но сказала то, что ее больше всего беспокоило:

– Сколько человек стережет Энеко? И сможем ли мы с ними справиться?

– Скоро узнаем.

– Но что ты думаешь предпринять? Если их много, они нас просто убьют.

– Это я их всех убью!

Эти слова показались Агнесс хвастовством глупого мальчишки, но она вспомнила, как он летал по башням замка, и решила положиться на судьбу. Если ей доведется погибнуть, то так тому и быть. Все равно жизнь для нее бессмысленна. Нескио она помочь не смогла, а больше на этом свете ей никто не нужен.

Берт подскочил к воротам постоялого дома. Феррун резко осадил его, и Агнесс чуть было не перелетела на землю через голову коня. Без напряжения удержав ее одной рукой, Феррун прыгнул с Берта, легко снял Агнесс.

– До чего женщины неловкие создания! – пожаловался он. –хлопот с вами невпроворот! Единственное ваше достоинство – вы добрые.

Агнесс чуть было не рассмеялась в полный голос. Но от улыбки удержаться не смогла. Посмотрев на его черное от сажи и копоты лицо, заметила:

– Тебе надо умыться. На тебе дорогой камзол, выглядишь ты как дворянин, но лицо и руки тебя выдают. Дворяне не ходят измазанными в саже.

– Ладно, – Феррун был вынужден признать ее правоту. – Никогда не умывался, но придется. Где здесь моются?

Агнесс повела его к тому ручью, у которого умывалась во время своего первого побега. Берта она держала за узду. Пока она его поила, Феррун принялся смывать сажу. Она не смывалась, а грязными потеками размазывалась по его лицу.

– Ой, у меня же есть мыло! – вспомнила Агнесс, развязала свой узел и подала ему кусок простого дегтярного мыла. – Осторожно, оно щиплет глаза. Волосы тоже вымой.

Феррун намылил лицо и сердито завопил:

– Вот черт, оно не только глаза, оно и кожу щиплет! И вода холодная.

– Надо же, какой изнеженный мальчуган! Теплую воду ему подавай! – и она принялась мыть ему голову сама, заодно смывая со своих рук остатки сажи.

После нескольких намыливаний с него все-таки удалось смыть сажу и многолетнюю грязь. Кожа у него оказалась белоснежной, даже какой-то голубоватой. Волосы как были, так и остались угольно-черными.

– Даже и не знаю, страшный ты или красивый, – задумчиво признала Агнесс, рассматривая его со всех сторон. – Такая прозрачная кожа хороша для женщины, но не для мужчины. Тебя все сочтут изнеженным.

– Это хорошо. Дворянин и должен быть изнеженным.

– Ну, не знаю. Дворяне все воины, а тебя воином не назовешь.

– Давай пошли за твоим Энеко, тогда и видно будет, воин я или нет. – Феррун обиделся на ее нелестные слова.

Она поспешила исправиться:

– Я же говорю о твоём обманчивом внешнем виде, а не об умении драться. Драться ты умеешь. Но выглядишь ты как изнеженный сибарит.

Феррун успокоился.

– Что вид обманчивый, это хорошо. Пусть стражники полезут на рожон. Я скажу, что Энеко – мой слуга, так же как и ты. И чтоб они мне его немедленно отдавали. А не то им будет худо.

Он снял с плеча лук, отцепил от мешка меч и опоясался. Лук, колчан и свой мешок отдал Агнесс. Она закинула его на спину и прогнулась от неожиданной тяжести: в руках Ферруна он казался пушинкой. Взяла под уздцы графского коня и повела его вслед за своим господином. Чтоб не узнали, накинула на голову капюшон, стараясь казаться как можно меньше и незаметнее.

Рассвело, и Феррун, не выносивший яркого света, низко опустил лицо.

Они вошли во двор таверны. Он был полон самого разного народу, от разносчиков товара до приехавших в деревню крестьян с окрестных хуторов. Стояло здесь и с десятков графских стражников.

Пришельцы были замечены сразу и к ним обратились любопытствующие взоры всех присутствующих.

Агнесс взмахом руки подозвала к себе грума, стоящего неподалеку.

– Коня моего господина покорми и напои! И заседлай! – сказала она грубым голосом и сунула ему в руку золотой. – И запряги в возок лошадку Энеко!

Тот оценивающе посмотрел сначала на золотой, потом на стражников. Решив, что золотой перевешивал риск хорошего нагоняя, забрал поводья и прошел с конем в конюшню.

Феррун окинул всех стоявших вокруг надменным взглядом и с вызовом громко спросил:

– Мне сказали, что здесь без всяких на то прав держат моего слугу, некоего Энеко. Где он?

Хозяин, которому все это ужасно не нравилось, низко поклонился.

– К сожалению, это распоряжение нашего господина, графа Контрарио.

– Плевать мне на вашего господина! Быстро подать мне моего слугу, или я все тут у вас разнесу! Живо!

Оставленные графом сторожить Энеко стражники оглушительно расхохотались. Им показался чрезвычайно нелепым этот тонкий и высокий, как голый прут, ужасно заносчивый господин в болтающемся на нем дорогом бархатном наряде.

– Может, вы желаете с нами сразиться? – издевательски предложил один из них. – Я вижу, меч при вас. Вот только сможете ли вы его поднять, господин?

– А вот это не ваша забота. Я смотрю, вас никто не учил, как нужно кланяться важным господам! – и Феррун одним движением обнажил свой меч.

Стражники тоже вытащили свои мечи в явном стремлении указать нахалу его место. Они не сомневались в успехе, еще бы, их было десять на одного.

Хозяин попытался было не допустить побоища, убийство дворянина каралось очень строго, но Феррун презрительно потребовал:

– Отойдите в сторону и не мешайте! Но если хотите поскорее попасть на тот свет, милости прошу!

Хозяин поспешно отошел подальше. Феррун скинул плащ, и раздались громкие смешки, уж очень худосочным он казался. Уверенный в победе стражник первым вскинул меч и ринулся на незнакомца. Тот, не дрогнув, поднял навстречу свой, встретил удар, от которого вокруг посыпались сверкающие искры. Меч стражника в месте сшибки переломился и Феррун, не колеблясь ни мгновенья, опустил свой меч на голову беззащитного человека.

От этого удара туловище стражника распалось пополам, как булка хлеба. Все в ужасе закричали. Двое других стражников одновременно кинулись на победителя, опустив на его голову мечи. Феррун одним встречным ударом вышиб их, и плавно, будто играя, снес стражникам головы. Из обезглавленных туловищ фонтаном хлынула кровь, заливая все вокруг.

Феррун брезгливо отошел в сторону, боясь запачкать в крови свои сапоги оленьей кожи. Агнесс почувствовала себя плохо. Какой же он безжалостный!

– Есть еще желающие поиграть со смертью? – ласково спросил Феррун, довольно улыбаясь. – Прошу!

Оставшиеся стражники быстро скрылись за спинами крестьян.

– Уберите эту падаль! – приказал Феррун, указывая окровавленным мечом на трупы, лежащие перед ним. Повернувшись к хозяину, вежливо попросил: – Дайте мне какую-нибудь тряпку, вытереть меч. Не хочу, чтоб он заржавел. Так где мой слуга? Отдайте мне его немедленно!

Кто-то уже выводил из подвала избитого до крови Энеко.

Феррун с прищуром посмотрел на него и угрожающе спросил:

– Чьих рук дело?

Хозяин поспешно заверил, что он уже убил того, кто бил мальчишку:

– Он первым напал на вас, господин.

– Ладно, в ад ему и дорога. Может, перекусим? – это он спросил уже у Агнесс, отчаянно заматавшей в ответ головой. Ее мучило от запаха свежeproлитой крови. Снисходительно пожав плечами, Феррун велел тавернщику: – Тогда сложи нам перекусить с собой, если уж мой слуга считает, что нам нужно торопиться.

Слуги, уносившие тела стражников, поразились подобной бессердечности. Хозяин угроמו велел половому:

– Принеси еды, да побольше. – Он был рад, что убит один из самых жестоких пособников графа, но вот только как ему перед графом оправдываться? Ведь убиты-то они в его заведении! Никогда с ним такого не бывало! Подав тряпку Ферруну, лебезящее произнес: – А как вас звать, извините? Что мне графу сказать, он ведь обязательно спросит?

– Я – Феррун. Думаю, это имя ему многое скажет! – гордо объявил победитель и тщательно протер окровавленный меч.

Хозяин почтительно поклонился, удивляясь странному имени. Даже не имени, а прозвищу. В самом деле, граф не может не знать этого юного задиру. Если тот достаточно часто демонстрировал свое потрясающее умение обращаться с мечом, то его многие должны знать. И надеяться на мщение.

Агнесс подошла к Энеко, отшатнувшегося от нее. Глаза у него заплыли от побоев, видел он плохо.

– Это я. Не пугайся! – от ее тихого голоса парнишка расслабился и благодарно кивнул.

Из конюшни вывели заседланного коня и возок с лошадкой. Агнесс подвела Энеко к возку и бережно уложила на сено. Еще совсем недавно она ехала сюда в этом возке, надеясь на лучшее! И вот чем все закончилось! Она скосила глаза на залитый кровью двор и тут же отвернулась. Смерть, опять смерть! Ей стало плохо.

Зато Феррун был вполне доволен собой, никакие угрызения совести его не мучили. Велел положить запасы еды в возок, он запрыгнул на коня, приказал своему слуге заплатить за еду и поехал вперед, не задумываясь, как Агнесс справится с лошадкой.

Отдав хозяину золотой, она села на место кучера, взяла вожжи в руки и неловко вывела возок со двора. Лошадка без понуканий побежала прочь от этого негостеприимного места.

«Как жаль, что Феррун не взял своей целебной сажи! – с сожалением подумала Агнесс. – Энеко очень плохо».

Тот, разлепив спекшиеся губы, успокаивающе прошептал:

– Я сохранил ваши деньги, не беспокойтесь! Они здесь, в возке, в тайнике. Я их нащупал.

– Я вовсе не о них беспокоюсь, а о тебе, глупый ты мальчишка! – со слезами сочувствия воскликнула Агнесс. – Как же тебе досталось! Граф всегда был зол, а теперь вообще не знает удержу! Как ты остался жив?

Он вяло дернул рукой.

– Ерунда! Бывало и хуже. Немножко полежу и встану.

Агнесс закрепила вожжи на облучке, и лошадка, предоставленная самой себе, побежала куда резвее.

Они доехали до небольшого лесочка, где их ждал спешившийся Феррун.

– Мальчишку надо полечить. – Он вытащил из возка свой мешок. – Я взял с собой свою сажу. Немного, но если пользоваться ей разумно, то хватит надолго.

– Ой, какой ты молодец! – Агнесс была искренне ему благодарна. – А вот я об этом вовсе не подумала.

Насмешливо посмотрев на нее, Феррун достал небольшой глиняный горшок с сажей, и начал осторожно смазывать ею раны Энеко. Тот только моргал, глядя на черную жижу. Агнесс поражено следила, как под слоем жирной сажи на глазах затягиваются глубокие раны. Да это настоящая панацея!

Закончив, Феррун аккуратно убрал горшок обратно и сердито заметил:

– Терпеть не могу такое яркое солнце! Я от него слепну!

– Накинь капюшон на голову, будет легче, – посоветовала Агнесс. – Или, если вообще плохо, мы можем подождать до вечера в этом леске и ехать ночью.

Феррун накинул капюшон на голову, причем так, что лицо полностью скрылось за плотной тканью, и признал довольным голосом:

– А что, так гораздо лучше. И видно все, и солнце не мешает. Ладно, поехали! – вскочил на коня и отправился вперед. – Догоняйте!

Агнесс достала платок и протянула Энеко.

– Вытри лицо, ты весь черный!

Он аккуратно стер сажу. Хотя грязные потеки и остались, но глаза распахнулись и смотрели на мир с тем же хитроватым прищуром, что и раньше. Синяки и отеки тоже исчезли.

– Какой он странный! – глядя вслед ускокавшему Ферруну, заметил Энеко. – Страшный такой, как смерть! – Повел плечами, подергал головой и радостно сообщил: – Слушай, у меня ничего не болит! Чем это он меня мазал, таким черным?

– Он говорит, что это сажа.

– Странная какая-то сажа, сажей не пахнет, но запах неприятный. Но давай мне вожжи, а сама ложись. На тебе лица нет. Здорово досталось?

– Есть немного. Но все уже прошло, просто понервничала сейчас немного. Страшно было, – откровенно призналась она и передала вожжи мальчишке. Растянулась на сене, закинула руки за голову и радостно вздохнула, испытывая настоящее блаженство. Наконец-то ее путешествие подходит к концу. Она жива, здорова, чего же ей еще желать? Жаль, конечно, что ей не удалось добыть кольцо, но она твердо знает, что граф не отыщет его тоже. Повернула голову в сторону Энеко и спросила: – Как ты попал в руки графа?

Он цыкнул на лошадку и принялся хмуро рассказывать:

– По глупости. Я остановился слишком близко от постоянного двора, чтоб не пропустить твое появление. К вечеру из замка спустились четверо мужчин, здорово потрепанные. Я узнал среди них Беллатора, он часто у нас в таверне бывает, он был покусанный весь. Других я не знаю, хотя один из них почему-то все лицо закрывал. Наверно, его тоже здорово искусили. Я еще подумал, что крысы нападают, когда их очень много. Они поужинали и тут же уехали. А ночью заявился граф. Он знал, что ты здесь. Видимо, нас кто-то выдал. Он схватил меня и сразу начал допрашивать. Но я ему все равно ничего не сказал, хотя меня бил здоровенный стражник с кривым зубом.

Перед глазами Агнесс снова, как наяву, вспыхнула сцена боя. И стражник с кривой ухмылкой, первый напавший на Ферруна.

– Его убил сегодня Феррун.

– Феррун? Какое странное имя! Почти такое же странное, как и он сам. Но я не думал, что он может кого-то убить. Он кажется таким хилым.

– Вот уж поистине – внешность обманчива! Он очень сильный, не думай, что если такой худой, то слабый. Он после твоего мучителя убил еще двоих. Зараз. Одним взмахом меча.

– Жаль, что я этого не видел, – мечтательно проговорил Энеко. – Здорово, наверное, было.

Агнесс ничего хорошего в убийстве людей не видела. Но что делать? Другого выхода не было.

– А кто он такой? И откуда взялся?

Почему-то Агнесс решила не говорить о Ферруне всей правды.

– Он жил в замке. Сейчас решил ехать со мной и помочь.

– Он что, в тебя влюбился?

У Агнесс вырвался сдавленный смешок. Вот уж кто менее всего похож на влюбленного.

– Нет. Просто он, как и я, ненавидит графа.

– Ааа..., понятно. Я его теперь тоже ненавижу! – Энеко слегка подхлестнул вожжами лошадку. – Он безжалостный и злой. Я таких в своей жизни еще не видел, хотя с разным сбродом знаком. Но ты спи, ты устала. Я чувствую себя хорошо, довезу, куда надо, не беспокойся.

– В монастырь Дейамор, ладно? – попросила Агнесс, понимая, что помочь ей сможет только Фелиция.

Энеко важно согласился, она устроилась поудобнее, закрыла глаза и тут же заснула. Сколько она проспала, не знала, потому что проснулась уже в Купитусе.

Глава третья

Беллатор с Роуэном отчаянно отбивались от полчища серых крыс, пустив в ход доски от оставшейся в комнате мебели, которыми отбиваться от крыс было куда сподручнее, чем тяжелыми мечами. Но крыс было много, слишком много, чтобы была хоть малейшая надежда на спасение. Еще несколько минут – и крысы повалили их, раздирая острыми зубами живую плоть.

И тут где-то в вышине заливисто запела дудочка.

Это походило бы на глумление, если б крысы не подняли головы и не замерли, позабыв про людей.

Дудочка пела все настойчивее, все звонче, разгоняя предсмертную тишину. Повинуясь ее зову, крысы начали медленно отходить. Роуэн с Беллатором принялись бить уходящих, те даже не огрызались, будто загипнотизированные. Пристукнув последнюю, Роуэн повернулся к Беллатору.

– Что это? – он тяжело дышал, с лица капала кровь, разодранный в клочья черный камзол еле держался на плечах.

Беллатор обессилено оперся плечом о грязную стену и с трудом перевел дух.

– Я слышал о крысоловах, но никогда их не видел. Считал выдумкой. И вот этот сказочный крысолов спасает нам жизнь. Подумать только – какая-то дудочка оказалась сильнее тысяч крыс!

С трудом оторвавшись от стены, выглянул в окно.

– Крысы уходят с площади. Пошли.

Роуэн следом за ним окинул окрестности пристальным взглядом.

– Да, можно идти.

Не дожидаясь его, Беллатор с риском для жизни стремительно спустился по шатающимся остаткам лестницы и выбежал на площадь. По ней сплошным ковром шли крысы, вылезая откуда-то снизу, из подвалов. На людей они внимания не обращали, будто враз забыв об их существовании.

Сильвер с Алонсо стояли, чуть пошатываясь, опирались на мечи и смотрели на уходящее серое воинство.

– Вы живы? Слава Богу! – Беллатор не смог сдержать порыва неистовой радости.

– Благодаря тебе, братец, – как всегда насмешливо поблагодарил Сильвер. Из-под забрала голос звучал глухо и болезненно. – Если б ты не заставил нас напялить доспехи, нас бы просто съели. Или задушили. А так мы оказались им не по зубам. Но вот ты изрядно пострадал. На тебе живого места нет.

Беллатор махнул рукой.

– Ерунда! Заживет!

Вниз спустился Роуэн, вытирая какой-то тряпкой покусанное лицо.

– Что будем делать? Уходить?

Дудочка вверху играла настойчиво, но музыкант не показывался. Зато из подвала выползло огромное жирное существо ростом с доброго пса и принялось громко пищать. Крысы остановились. Чудище запищало громче, повелительнее и серое воинство обратилось к нему, жадно глядя на людей. Вмиг догадавшись, что это главарь, Сильвер подскочил к нему и отсек голову. Писк прекратился и крысы, забыв о своем предводителе, снова полезли вверх на зов дудочки.

– Какая мерзость! – Алонсо с ужасом смотрел на бесформенную тушу. – Вот кто направлял всю эту стаю! Таких крыс не бывает! Что это такое? Откуда взялось? Кто выкормил такое чудище? Граф Контрарио?

Прерывая его размышления, на самом краю кровли средней башни появился тоненький гибкий паренек с дудочкой. Он играл и играл, крысы с тупым упорством лезли за ним. Мужчины следили за этим зловещим зрелищем, не понимая, что им делать. Звук дудочки становился то слабее, то сильнее, смотря где оказывался мальчишка: он прыгал по башням, как заправский акробат.

– Как нам ему помочь? – Сильвер посмотрел на свой меч. – По крыше в такой амуниции не поскачешь.

– Мы скорее ему поможем, если уедем отсюда, – разумно заметил Роуэн. – Тогда он сможет убежать. Без предводителя крысы не опасны. Думаю, они просто разбегутся.

Подтверждая его слова, мальчишка сделал нетерпеливый жест, означавший одно: уходите! Это приказание могло предназначаться только им, но они все-таки чуток задержались, оглядываясь вокруг. Площадь представляла собой настоящее поле боя. Везде валялись кости собак и волков, но вот скелетов крыс видно не было. Почему? Их на месте пожирали сами крысы или куда-то утаскивали павших собратьев?

Но вот музыкант уже зло погрозил им кулаком, и Беллатор торопливо поднял ворота. Они вышли за привратную башню, Роуэн с Беллатором помогли Сильверу с Алонсо скинуть тяжелые доспехи, бросив их возле дороги.

– Все же как хорошо чувствовать себя свободным, без груды ржавого железа на себе! – воскликнул Сильвер, садясь на коня.

– А еще лучше чувствовать себя живым, – с неожиданной иронией дополнил его слова Роуэн. – И невредимым. У меня от укусов течет кровь и чешется все тело. Противное ощущение, доложу я вам. Уверен, Беллатору не легче.

– Поспешим! – скомандовал Беллатор, пуская вскачь коня.

Они помчались по мосту, не оглядываясь назад. До постоялого двора добрались быстро. Вышедший их встречать хозяин в ужасе всплеснул руками, увидев разодранные камзолы и окровавленные тела двух своих гостей.

– Крысы, но мы предполагали что-то подобное, – спокойно пояснил Роуэн. – У вас есть целебная мазь?

– Есть, конечно, но не знаю, поможет ли она. Говорят, укусы крыс ядовиты.

– Не больше, чем укусы кошек. Кошачьи болят даже сильнее, – со знанием дела заверил его Роуэн. – Неси быстрее!

Получив мазь, они с Беллатором пошли к ручью, смыли кровь и намазали раны мазью.

Сильвер с Алонсо, не получившие ни единой царапины, остались на постоялом дворе. Хозяин косился на них, не понимая, как они остались целы и невредимы. Не выдержавший косых взглядов Алонсо сердито объяснил:

– На нас были доспехи. Но они не помогли. Если бы не дудочка, крысы нас бы просто задушили. Я уже дышать не мог под грудой этих вонючих крыс.

– Я тоже, – поддержал его Сильвер. – Но мне казалось, они нас просто раздавили бы.

Хозяин изумленно покачал головой.

– Какая дудочка? Я ничего про это не слышал.

Сильвер будто наяву услышал призывное пение дудочки и нервно потряс головой.

– Крысы шли на звук дудочки как загипнотизированные.

– Дудочки? В самом деле? Неужели в замке есть крысолов? – хозяин представил, как его владения очищаются от вездесущих крыс. Его глазки возбужденно заблестели, и он заинтересованно спросил: – А куда делся музыкант?

– Не знаем. Он велел нам уходить, чтоб не мешали. Он играл, чтоб нас спасти.

В это время в комнату вошел Роуэн и бросил на хозяина острый взгляд.

– Принеси-ка нам поесть, дружище. И камзолы со штанами переодеться, надеюсь, ты найдешь что-нибудь подходящее. В этих ходить нельзя. – И он обвел рукой свой изодранный наряд. – Мы немного передохнем и отправимся восвояси.

Шедший следом за ним Беллатор встретил хозяина в коридоре и приказал ему принести вина лучше, чем в прошлый раз.

– Из запасов графа. Думаю, у тебя такое есть.

Хозяин смущенно поклонился и поспешил на кухню.

Сильвер задумчиво спросил:

– Интересно, что это за музыкант? Почему он вдруг решил нас спасти? Из человеколюбия?

Роуэн плотно закрыл за вошедшим Беллатором двери и возразил:

– Музыкант спасал не нас. Для нас он бы и пальцем не пошевелил. На колонне лежал человек. В мужском платье. Но, возможно, это была переодетая женщина.

– Агнесс?

– Не знаю. Я никогда Агнесс не видел. На человека тоже напали крысы. Он был весь в крови.

– Меня покусали слегка, и то я чувствую себя отвратительно, – признался Беллатор. – А если ее искусали сильно, то она на грани смерти.

– Может, нам вернуться? – неуверенно предложил Сильвер.

– Нет! – решительно запретил Беллатор. – У нас есть дела поважнее, чем спасение одной женщины. Нам нужно спасти всю страну. Музыкант наверняка позаботится о ней. Помните, как он скакал по крыше? Для этого нужна недюжинная сила и ловкость. Он превзойдет любого акробата.

– Я тоже так думаю. Нам нужно как можно быстрее возвращаться в столицу! – жестко добавил Роуэн.

Сильвер с Алонсо переглянулись. Понятно, что так тянет Роуэна обратно – оставшаяся без защиты Фелиция. И мысль, что граф Контрарио там же.

Перекусив, они немного передохнули перед дорогой. Хозяин раздобыл довольно сносную одежду из тех, что носят воины, и Беллатор с Роуэном переоделись. Перед отъездом Беллатор приказал тавернщику приготовить разной снеди и упаковать в мешок.

– Возьмем с собой. Ехать придется быстро, отдыхать будет некогда.

Сильвер одобрил этот шаг.

– Верно. Чует моя душа, ночевать нам придется в чистом поле, и еда нам пригодится. А чутье меня еще никогда не подводило.

Они пустились в обратный путь, по возможности выбирая окольные дороги. На ночь остановились в небольшой таверне поодаль главного тракта.

Раскланиваясь перед важными гостями, хозяин сразу предупредил:

– Ночлег я вам предоставлю. Но на еду не рассчитывайте.

– Что так? – поинтересовался Роуэн. – Было слишком много постояльцев? Все припасы подъели?

Понизив голос, тот пояснил:

– У меня останавливался граф Контрарио со своими людьми. Человек сорок-пятьдесят, не меньше. Спешил в свой замок, даже ночевать не стал. – Он поклонился и ушел, оставив господ в пустой трапезной.

Алонсо принялся развязывать мешок с едой, воздавая дань предусмотрительности Беллатора.

– Это значит, что они приедут в замок ночью. Может, нам вернуться? – Сильверу была не по нраву мысль об оставшейся там беспомощной женщине.

Роуэн отрицательно покачал головой.

– Этим мы Агнесс с музыкантом только навредим. Им проще спрятаться, замок они знают хорошо. Уверен, там много укромных местечек. К тому же что мы можем сделать с полусотней врагов? Ну, уложим с десяток? И не забывайте, что мы с Беллатором серьезно ранены. Кровь сочится из всех укусов. Мазь помогает плохо. Но давайте перекусим. Может быть, к утру нам станет легче.

Сильвер посмотрел на брата. Тот сидел бледный и болезненно подергивал правой рукой. Сильвер громко позвал хозяина. Тот явился тут же, боязливо комкая в руках вышитое полотенце.

– Вы чем-то недовольны? – ссоры ему не хотелось, но и чем еще угодить постояльцам, он не знал.

– У тебя есть бальзам от крысиных укусов?

Тот испуганно посмотрел на гостей. Весть о крысином нашествии в замке Контрарио дошла и до него.

– Есть просто целебная. Принести?

– Тащи ее сюда!

Хозяин ушел. Беллатор снял с себя камзол, и Сильвер потрясенно присвистнул. Все тело брата было в мелких покусах. Они быстро напухали и наливались кровью. Возле некоторых уже проступил желтоватый дурно пахнувший гной.

– Мерзкое зрелище. Спасибо крысолову, дудочка запела довольно быстро, а то бы нас заживо сожрали эти мерзкие твари. Но укусы болят и чешутся. – Беллатор протянул руку к особенно болезненному укусу, но уронил ее, не дотронувшись.

Хозяин принес бальзам с запахом скипидара, и Сильвер смазал раны сначала брата, потом Роуэна. Боль немного стихла, зуд отступил, все принялись за еду. Ели то, что получили в таверне Контрарио: пироги с голубями, каплунов и жирную свиную колбасу с хлебом. Насытившись, пошли спать.

Спальни для них были приготовлены в пристрое, по два человека в комнате. Беллатор спал в одной комнате с Роуэном, и за ночь не раз просыпался от жуткого зуда в местах крысиных укусов. Мазал их бальзамом, зуд на время отступал, он засыпал снова. Роуэна слышно не было, и ему казалось, что того вообще нет в комнате.

Ранним утром они прикончили последние припасы и отправились дальше. Отдохнувшие за ночь кони мчались быстро, и под вечер они уже были возле столицы. Здесь Роуэн спросил у Беллатора, не нужен ли он больше. Получив отрицательный ответ, поехал в сторону монастыря Дейамор. Остальные, изрядно проголодавшись, остановились перекусить в невзрачной загородной таверне. К тому же уставшим коням требовался роздых.

Отдельной трапезной для знатных гостей здесь не было, и им пришлось ждать обед в общем зале. Это была просто большая комната с тесно стоявшими длинными столами и неудобными деревянными лавками. По грязному полу то и дело пробегали огромные тараканы. Сильвер поморщился.

– Может, перекусим где-нибудь в более достойном месте?

Беллатор посмотрел на него потухшими глазами.

– Не думаю, что у меня есть силы, чтоб добраться до более достойного места. Будем надеяться, что не отравимся.

В углу кто-то из посетителей тискал звонко хихикающую шлюшку, откровенно предлагающую свои прелести всем желающим. Голодные друзья не обратили внимания на эту обычную картину. Хозяин принес им незамысловатый обед, впрочем, довольно вкусный. Видимо, повар, узнав о редких для их скромного заведения гостях, постарался, как мог.

В конце трапезы мужик, держащий на коленях шлюшку, со всей дури ущипнул ее за задницу. Та громко взвизгнула, и Беллатор насторожился. Он повернулся, внимательно посмотрел на девку и внезапно свистнул. Все посетители кабака удивленно обернулись на свист. Поверну-

лась и шлюшка в грубом неотбеленном платье, с копной спутанных белокурых волос на грязной голове.

На друзей глянуло изумительно знакомое лицо.

Они замерли от потрясения.

– Это Зинелла! – Сильвер привстал, желая подойти к ней, но Беллатор властно положил руку ему на плечо.

– Спокойно! Не спеши! Нужно все разузнать! – и он взмахом руки подозвал к себе хозяйина. – Что это за девица? Когда она тут у вас появилась?

– Да недавно появилась. Неизвестно откуда и взялась, – презрительно ответил хозяин. Он не жаловал шлюх.

– А как ее зовут?

– Она сама не знает. Ее, похоже, кто-то крепко стукнул по темечку. Ничего не помнит. Ни как зовут, ни откуда. Но шлюшка она хорошая, из природных. Я ей доплачиваю за клиентов. С ее появлением мужиков с деньгами стало побольше. Если хотите, я поспособствую.

– Нет, не надо. – Беллатор расплатился за еду, добавив сверх того золотой за информацию.

Низко кланяясь, хозяин удалился, с почтением поглядывая на богатых трапезников. Оставшись одни, вернее, в условном уединении, поскольку окружавшие их столы пустовали, Беллатор задумчиво признал:

– Отец, похоже, выставил свою сожительницу прочь. В самом деле, действие кольца пропадает. Вот и он понял, что никогда ее не любил. Хорошо это или плохо?

Сильвер возмутился.

– Однозначно, хорошо! Наконец-то мы избавились от этой твари, паразитирующей на отце и сосущей из него кровь.

– С этим я согласен. Но как это все отразится на стране?

Сильвер отмахнулся от столь глобальных проблем.

– Не знаю, я не силен в политике. Но не думаю, что будет хуже, чем сейчас.

Беллатор предостерегающе поднял руку.

– Поговорим потом. Когда будем в безопасном месте.

– Если оно где-то есть, это безопасное место, – саркастично добавил отчего-то необычно мрачный Алонсо. – Королевский дворец им точно не является.

– Да, но отец, похоже, там. Поэтому нам все равно придется ехать туда. И не попадайся на глаза Зинелле, Сильвер! – Беллатор заметил, что Сильвер сделал шаг в сторону мачехи. – Беспамятство дело мутное. Вдруг она увидит нас и все вспомнит? Это будет скандал! Ты хочешь, чтоб она вернулась во дворец?

Чертыхнувшись, Сильвер стремительно направился к выходу, отворачиваясь от зазывно хихикающей шлюшки. Алонсо и Беллатор последовали его примеру.

Под конец пути Беллатор уже с трудом держался в седле. В голове мутилось от боли, и он с силой стискивал зубы, чтоб не застонать.

Возле дворца на дальних подступах их встретил первый караул. Здесь караулов никогда не бывало, и Беллатор спросил у начальника караула:

– Кто приказал выставить караулы у дальней ограды?

– Наместник, ваша честь.

Братья переглянулись. И так, отец во дворце. И даже отдает разумные приказы.

– Хорошо. Но я объезжал ограду месяц назад, она была вся в пробоинах. Какой смысл в карауле?

– Их почти все закрыли. Медиатор приказал каменщикам всей столицы работать здесь, пока не закончат стену. – Начальник караула тихо добавил: – Ходят слухи, будет большая война. И неизвестно, выживем ли мы.

– Может, будет, а может и нет, – беспечно отозвался Беллатор. – Время у нас еще есть. Всадники проехали, а приободрившийся караул долго смотрел им вслед.

– Беллатор правитель мудрый. Умнее Медиатора. Зря говорить не будет, – был всеобщий вердикт стражников, скоро разнесшийся по всей округе.

Отъехав от караула, Сильвер спросил у брата:

– Ты это сказал, чтобы настроение у народа поднять?

– Нет, у меня такое предчувствие. Неужели ты не ощущаешь, что дышится легче, будто пришла весна? Что-то случилось, хотя мы еще не знаем, что именно.

Алонсо, у которого после лежания под грудой крыс было на редкость дурное настроение, желчно пошутил:

– Наверняка в стране появился истинный король.

– Возможно, ты и прав, – неожиданно согласился с ним Беллатор. – Я об этом же подумал.

Раздосадованный Алонсо поскакал вперед, а братья неспешно поехали следом, негромко переговариваясь.

– Кто он такой, Роуэн? Мне в его присутствии было до странности неловко. Будто я сидел в шляпе перед королем. У тебя такого чувства не бывает? Ты же с ним давно знаком? – Сильвер с удовольствием гарцевал на игривом коне.

Беллатор, наоборот, сдерживал своего коня, боясь лишний раз потревожить ноющие раны.

– Хочешь сказать, не он ли наш король? Нет, уверяю тебя. Кровь у него, как ты видел, красная. Как и у меня и у тебя.

– Я все же думаю, что кровь не главное. Возможно, это все-таки иносказание. Я даже представить не могу голубую кровь.

– Я покажу тебе рубашку последнего принца. Ее сняли уже с почти мертвого тела. Она вся в крови. В синей крови, брат. – Сильвер хотел запротестовать, но Беллатор поднял руку, призывая к вниманию. – Это не подделка. Видел же ты, как трон расправился с нашим неразумным Родолфо?

Сильвер вынужден был покориться.

– Хорошо, Роуэн не король. Но ведет-то он себя как подлинный аристократ крови. Такие повадки невозможно скопировать или приобрести. Это врожденное.

– Между нами говоря, мой дорогой, – Беллатор понизил голос и оглянулся, не желая, чтоб его слова услышал кто-то еще, – он до ужаса напоминает мне покойного герцога Ланкарийского. Считается, что у герцога не осталось прямых наследников. Но, возможно, это не так.

– Это я знаю. Хотя его самого не помню. Думаешь, это его ублюдок?

– Может быть, и нет. Дело в том, что его жена сбежала от него, будучи беременной.

– Сбежала? С кем? – Сильвер натянул поводья коня, подводя его ближе к брату.

– Никто этого не знает. Говорили, что жена у него была тихая милая женщина, моложе мужа лет на тридцать, ровесница его дочери.

– Тихие и милые от мужей не сбегают. Пусть и старых.

– Вот именно, вот именно! – подчеркнуто согласился с ним Беллатор.

– Ее похитили? – догадался Сильвер и нахмурился от этой догадки.

– Вполне возможно. Дело в том, что герцог второй раз женился поздно. Это никого не волновало, так как у него в живых оставалось еще три законных сына от первого брака. Но они внезапно погибли, один за другим, и его наследником стал маркиз Белевотто. Это был вполне приличный человек. С виду. Но отцу он никогда не нравился.

– Отец до Зинеллы был проницательным человеком, с этим никто не поспорит. Насколько я помню, маркиз Белевотто пал в бою с имгардцами?

– Да. Прямых наследников герцога нет, кого родила его исчезнувшая жена и родила ли вообще, никто не знает, на имение наложен государственный секвестр, потому-то я и знаю об

этом так подробно. Титул герцога Ланкарийского до сих пор ждет своего наследника, хотя с момента смерти последнего герцога прошло без малого десять лет.

Сильвер легко сдержал загарцевавшего под ним коня.

– Итак, наш скромный Роуэн вполне может оказаться последним и единственным герцогом в стране?

– Это только мои предположения. Если бы нам удалось это доказать, в стане врага у нас появился бы очень сильный союзник. Но я этим делом вплотную еще не занимался, времени не было. Но теперь придется.

– Да, герцог по рангу выше нескю. И указом короля назначен главой дворянства. Интересная картина получается. Что собираешься делать?

– Для начала поговорю с отцом, выясню, что он знает. Он помнит куда больше моего.

– Ты давно подозревал, что Роуэн имеет отношение к герцогу?

– Скажем, чувствовал что-то. Я ведь не общался с Роуэном подолгу. Пара фраз, и все. Но только после этого нашего совместного путешествия подозрение перешло в осознание.

Они проехали все посты, никто их не остановил. Сыновей Медиатора королевская стража знала в лицо.

Во дворце они разошлись по своим покоям приводить себя в порядок. Перед наместником не полагалось появляться в драном грязном платье. Переодевшись, пришли к отцу. Алонсо с ними не пошел, правильно полагая, что дела политиков его не касаются.

Отец обнял сначала Сильвера, потом Беллатора. Тот отшатнулся, не сумев сдержать стон.

– Что с тобой? Ты ранен? – Медиатор с беспокойством взглянул на сына.

– Покусан крысами, отец. Но это мелочи. Я смотрю, во дворце без нас случилось много нового?

Но Медиатор не стал отвечать на этот праздный вопрос. Его гораздо больше беспокоило другое:

– Покусан крысами? Вы ездили в замок Контрарио? Крысы хозяйничают только там!

– Да. И сразу говорю: камень мы не нашли. Камин, в который его бросила Агнесс, обрушился после пожара. Что-либо найти там невозможно. На обратном пути узнали, что граф вернулся в замок. Возможно, за ним. Но я уверен, Тетриус ему не найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.